

ПРОКЛЯТЪЕ

за

МАГА

МИРОСЛАВА АЛЪБИР

Annotation

Я осталась совершенно одна: отец умер, а брат стал жертвой коварной и могущественной ведьмы. Но что если еще есть шанс спасти его и вернуть домой? В этом мне должен помочь странный маг, что так удачно оказался поблизости.

Вот только что мне делать, когда этот наглый и самоуверенный мужчина решает выдвинуть свое условие, от которого подкашиваются колени и бешено колотится сердце?

— Моя помощь в обмен на твое тело.

В тексте есть: разница в возрасте, властный герой, цикл (не) детские сказки, опасные приключения, ХЭ

18+

-
- [\(не\) детские сказки: Проклятье для мага](#)
 - [Пролог](#)
-

**(не) детские сказки: Проклятье для мага
Мирослава Адьяр**

Пролог

— Моя помощь в обмен на твое тело.

Девушка передо мной удивленно хлопнула длинными ресницами и округлила глаза: глубокие, нежно-зеленого оттенка, миндалевидно-идеальные, как у фарфоровой куклы.

Она вся была именно этим. Фарфоровой куклой. Статуэткой, которую бережно хранят в шкафу, за стеклом, и иногда смахивают пыль.

Когда я только услышал, что какая-то местная малышка ищет встречи, чтобы предложить мне работу — захохотал, как одержимый. Подумал, что шутка это: какая нормальная женщина решится связаться с магом?

Да и “малышкой” она давно не была, об этом мне местный люд доложил. Взрослая давно дочь охотника. Двадцать два уже исполнилось, хоть по внешнему виду и не скажешь.

Я навел справки, подмазал там, где надо.

Жила девчушка одна, отец помер всего неделю назад, а матушка отдала богу душу, мрак знает когда. Не успела еще остыть земля на могиле папаша, как малышка тронулась умом: решила в лес проклятый наведаться, братишку давно пропавшего найти.

Все трезвонила по округе, что проводника ищет, а люди вокруг только пальцем у виска крутили да шептались: мол, совсем дочка охотника обезумела. Братишка ее еще десять лет назад из ведьминога леса не вернулся.

Казалось бы, места здесь суровые, холодные, укрытые пухлым снегом — а никак это не тронуло ее красоты, не вытравило блеск из белоснежных кудрей, не погасило полный надежды взгляд и не подломило прямую спину.

Я мог бы взять деньги, ведь девушка предложила золото. Вот только монеты меня совершенно не интересовали, особенно сейчас, когда такое хрупкое и соблазнительное создание смущенно мялось и смотрело на меня со страхом и затаенной надеждой.

Вообще-то я и сам собирался в ведьмино логово, по личным причинам. Даже рот открыл, чтобы сказать об этом, но поспешно

прикусил язык.

Я не мог оторвать взгляд от девчонки, и все мысли в голове смешались и перепутались.

Она стояла напротив, дула свои кукольно-пухлые алые губки, а я только и мог, что представлять, как сминая их жестким поцелуем.

Такие созданы, чтобы их целовали.

Она не понимала, о чем я говорю, а мне стало тесно в собственной одежде от одного только взгляда на этот соблазнительный, идеально очерченный рот, что чуть приоткрылся, хватая душный воздух переполненного трактира.

Малышка села на высокий стул, положила ладошки на темное дерево и замерла, обдумывая мои слова. Откинув назад капюшон плаща, она позволила мне вдоволь полюбоваться белым “водопадом”, рассыпавшимся по хрупким плечам. Точно первый снег — только веяло от него теплом и спелой ежевикой.

Хотелось зарыться в кудри пальцами, накрутить на кулак и притянуть к себе бледное личико ближе.

Наверняка она сладкая на вкус, как яблочная карамель.

— Я не понимаю... — пролепетала девушка. — Для чего вам мое тело?

Это ее тихое “вам”, произнесенное почти с трепетом и чуть слышным вздохом, прошло по коже раскаленными мурашками. Тугой болезненный ком возбуждения свернулся в паху, и перед глазами возникла слишком уж соблазнительная картина: она, вся такая хрупкая и белоснежная, стоящая на коленях, в сверкающем ореоле этих роскошных волос, прикрывавших округлые груди.

— Вам нужна какая-то помощь в ваших... ритуалах?

Я чуть не рассмеялся в голос.

— Нет, глупышка! Я тебе помогу, а ты со мной переспишь.

Милашка на мгновение замерла, сложив губы в удивленное “о”.

И тут мой ответ до нее дошел. Ударил в лицо маковой краской, расцвел на щеках алыми пятнами. Зеленые глаза гневно сверкнули, ладошки сжались в кулаки, и девушка вскочила со своего места, как ошпаренная. Зло выдохнула и схватила первое, что под руку подвернулось — пустой глиняный кубок.

“Снаряд” полетел точнехонько мне в голову, но, подчинившись быстрому движению пальцев, замер всего в дюйме от моего лица и

медленно опустил на стол.

Кто там сказал, что у северных народов холодный нрав?

Наглое вранье.

— Сядь, — приказал я. — Если не хочешь, чтобы тебя отсюда вышвырнули.

Выразительно указав взглядом в сторону хозяина трактира, который пристально нас рассматривал, я наблюдал, как девушка борется с накатившим отвращением и мечется между желанием насадить мою голову на пику и страхом, что все ее мучения окажутся напрасными.

— Я ведь сказала, что могу заплатить, — прошипела она, решившись все-таки сесть. — Предложила вам золото...

Я поднял руку, обрывая ее на полуслове.

— Мне плевать на деньги, детка, — откинувшись на спинку стула, я наслаждался ее смущением и тем, как нервно она перебирала волосы тонкими пальцами. — Я свою цену назвал.

— Но зачем вам спать со мной?! — девчонка нервно рассмеялась. — Это какие-то ваши магические штучки?

Она так сильно покраснела, что даже кончики ушей вот-вот должны были задымиться от возмущения.

— Не твое дело, — хмыкнул я. — Я помогаю и трахаю тебя так, как захочу.

— Вы — чудовище! — В зеленых глазах блеснули слезы. Вот только ревущих барышень мне еще не хватало! — Вы же знаете, что на кону жизнь моего брата!

— Можно подумать, мне не плевать, — закинув руки за голову, я прикрыл глаза. — Решай сейчас или проваливай.

Девчонка открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. Пыталась найти подходящие слова, но я свое предложение сделал; и уж что-что, а судьба ее братца меня интересовала даже меньше, чем порция остывшей похлебки, которую мне помешали съесть.

У меня с ведьмой свои счеты, а уж золото я всегда мог заработать целительством.

И никакие деньги не сравнились бы с девушкой, способной восстанавливать магический запас.

Я хотел ее. Хотел все, что она могла мне дать. Хотел сорвать с нее плащ, стащить рубашку и посмотреть, так ли идеально ее тело, как я

вообразил. Хотел получить всю ее до капли. Выпить досуха, поглотить, раствориться в тепле и нежности ее рук.

И она согласится, потому что не было у девчонки выбора. Никто в здравом уме не сунется в ведьмин лес.

— Получишь меня, только когда брат переступит порог моего дома! — выпалила она и уперлась взглядом в столешницу.

— Договорились, — я не удержался от гаденькой ухмылки. — Если, конечно, ты не захочешь меня раньше.

Девчонка вскочила на ноги и, накинув капюшон, зашагала к выходу. Она двигалась плавно, не задев ни единого стола, не коснувшись ни одного посетителя.

Волшебное видение, не иначе.

Долбаное совершенство, которое очень скоро будет кричать в небо мое имя и царапать спину острыми ноготками.

Фолки

Сладкая. Какая же она сладкая!

Как спелая дикая ягода, которая прячется в изумрудной траве на залитых солнцем лесных полянах.

Забавная, ничего не скажешь. Никогда не встречал, чтобы в такой крошке кипели такие нешуточные страсти. Вообще, женщины мне попадались слишком чопорные, слишком скованные, привыкшие относиться к магам, как к чему-то мерзкому и чужому. Стоило только косо посмотреть, как на их холеных лицах, сквозь пудру и краски, проступала такая отчаянная гадливость, будто кто-то бросил под ноги ядовитую змею.

Так реагировала совершенно любая городская жительница, даже будь это обычная кухарка или служанка. Город — гниль и мрак, пропитывающий человека от пяток до затылка. Город всегда внушал жителям, что все, выходящее за привычные пределы, — дурно, противоестественно и злобно.

А эта огрызалась еще, руками размахивала. И удар у нее ничего.

Не чувствовалась в ней эта сучья надменность, спутница городских женщин от мала до велика.

И не боялась она — вот в чем соль.

Смущалась, злилась, включала “хозяйку положения”, но не боялась. От этого еще сильнее хотелось получить ее. Разбудить, заставить требовать большего, встряхнуть хорошенько и показать,

какой обжигающей может быть страсть. Девчонка это определенно оценит, я уверен.

Ведь нет ничего хуже наигранного желания. Нет ничего горше банального механического секса, щедро сдобренного страхом. Особенно когда имеешь дело с источником силы. Он должен отдаваться с радостью, а не дрожать, как осиновый лист, жмурясь от отвращения.

Иначе глоток из источника будет таким же горьким, как и его чувства. И таким же бесполезным. Он не добавит сил, не восполнит их, а только отнимет последние капли, загнав мага в ловушку полного истощения.

Дом остался позади, как и большая часть самоуверенности малышки. Чем ближе мы подходили к заветной поляне, где и начинался ведьмин лес, тем мрачнее становилось лицо Илвы и блее — губы. Она то и дело хваталась за клинок на боку, заставляя меня тихо посмеиваться.

Не было в лесу ничего, что можно сразить сталью.

Я двигался бесшумно, по привычке используя “тихие шаги” — магический трюк, такой же древний, как эти леса и горы вокруг. Как и ведьма, живущая в чаще. Центр всех сказок и страшилок, ходящих по округе. Нерадивые дети прятались ночами под одеяла, только бы не услышать зов ведьмы.

Под сапожками девчонки снег похрустывал так громко, что я боялся, как бы все волки в округе не обделались от ужаса, решив, что медведь-шатун рыщет в поисках жратвы. Впрочем, сейчас это было не особо важно, но я себе сделал мысленную зарубку: на “медведицу” тоже стоит наколдовать “тихие шаги”, когда мы войдем во владения ведьмы.

— Я так и не узнала твое имя, — вдруг сказала она, ухватившись за мой локоть. Выглядела малышка несчастной и потерянной, хотя в глазах все еще поблескивал огонек воинственности.

Узкая ладошка чуть сместилась и накрыла мою ладонь, державшую посох. В этом жесте не было ничего особенного, кроме банального поиска защиты и утешения.

— Фолки, — ответил я и шутливо поклонился.

Тихий голосок показался мне смущенным, когда девочка сама решила представиться:

— Илва, — она нервно заправила за ухо белоснежную прядку и осмотрелась по сторонам. — Я столько раз искала нужную тропинку,

обошла эту поляну вдоль и поперек, но лес будто не хотел пускать меня дальше.

— Он и правда не хотел, — я остановился в центре полянки, окруженной высоченными елями. Снег здесь был не тронут: ни живые, ни мертвые не ходили сюда, чувствуя беду. Близость враждебной силы, от которой мир людей отделяла лишь тонкая магическая вуаль.

Только руку протяни — и можно коснуться изнанки мироздания, на которой жили самые жуткие человеческие ужасы.

— Встань сюда, — скомандовал и указал на место перед собой. Девочка нахмурилась, но перечить не стала. — Ближе. Обними меня за пояс.

— Что?!

— За пояс меня обними, чего непонятного?

Илва вспыхнула, как уголек костра, и попятилась назад.

— Еще один шаг — и духи леса тебя сожрут с потрохами.

Испуганно икнув, девчонка бросилась вперед и обхватила меня руками с такой силой, что я, мраком клянусь, услышал хруст собственных ребер.

Поставив посох перед собой, я отстегнул от пояса тонкий короткий клинок. Кровь вскипела под кожей, потянулась к стали, умоляла выпустить ее, позволить творить магию так, как ей хочется.

— Не отпускай меня, ясно?

Девочка кивнула и зажмурилась, не желая смотреть на происходящее.

Полоснув по руке, я наблюдал, как тугие красные капли набухают в центре ладони и поднимаются в воздух. Солнечные лучи отразились от блестящего бока, преломились, наполняя их обжигающим золотистым светом, и кровь превратилась в крохотный огненный шарик.

Вокруг резко потемнело, ночь навалилась на лес, подмяв его под себя, похоронив под густыми клубами непроницаемого мрака, пронизанного холодными огоньками незнакомых звезд. Огненная сфера раздалась в стороны, ослепительно вспыхнула и раскололась на сотни искр, заключивших нас в золотую защитную клетку, не позволяя тьме разорвать незваных гостей острыми невидимыми когтями.

От хрупкого тела, прижимающегося ко мне, исходило такое тепло, что мне стало жарко.

Душно, невыносимо тесно в груди, будто сердце разбухло и уже не

помещалось на положенном ему месте. Кровь раскалилась в венах, а там, где крохотные ладошки касались меня сквозь ткань, оставались невидимые глазу ожоги, растекающиеся под кожей приятной болью. Я прижал девчонку к себе сильнее, чем следовало, и услышал тихий всхлип.

Меня скрутило в раскаленную пружину, пальцы жили своей жизнью: поглаживали мягкую кожу девичьей шеи, мечтали пробраться под рубашку и подбитый мехом плащ. Я чуть толкнулся вперед, на инстинктах, вжимаясь каменной эрекцией в мягкий живот малышки. Она определенно это почувствовала и дернулась, но я держал крепко.

Запрокинул голову, дышал глубоко и жадно, втягивал в себя морозный воздух леса и пытался думать о чем угодно, но только не о желанном источнике.

Просто дыши...

Дыши глубже!

Стиснув зубы и отведя руку, ласкавшую шею Илвы, в сторону, я сосредоточился на золотой клетке и тьме, окружавшей нас.

Еще чуть-чуть — и можно будет отойти. Еще несколько секунд...

Илва дрожала так сильно, что мне пришлось прикрыть ее плащом и погладить по голове. Девчонка пыталась отстраниться, но я сделал это сам, избавив ее от ощущения моего стояка, стиснутого тугой одеждой. Путаясь пальцами в мягких волосах, я бездумно шептал всякую ободряющую чушь.

— Уже почти все, малышка. Не так уж и страшно, правда?

Она подняла голову, и в свете звезд ее глаза напоминали два изумруда, наполненных живительной влагой. Личико стало совсем бледным, и в моей груди дернулось дурное предчувствие. Какая-то дикая давняя тоска, рожденная из непонятных образов и мыслей в голове Илвы, которые она даже не пыталась прятать.

— Добро пожаловать в ведьмин лес, малышка, — я усмехнулся и, подняв посох, ударил им в землю, разбивая защитный кокон.

Илва

Я переминалась с ноги на ногу, топталась на крыльце и пыталась дышать глубоко и спокойно. Верхушки мохнатых елей стояли неподвижно, как пики древних застывших стражей, наблюдавших за жителями крохотной деревеньки.

Ни дуновения вокруг, воздух чистый как слеза, и где-то в ветвях

ближайшей елки шебуршали крохотные снежные белки. Уткнувшись взглядом в снег под сапогами, я вычерчивала на нем носком узоры и завитки, пыталась в голове прокрутить будущий разговор с противным выскочкой, который возомнил себя в праве делать мне такие... предложения!

Маг опаздывал. Намеренно, конечно!

Топнув ногой, я подняла в воздух белоснежное облачко снега. Меня колотило от бессильной ярости, но в голове звучал отрезвляющий голосок здравого смысла. Он одергивал меня, заставлял стоять на месте и терпеливо ждать. Все это делалось не просто так.

Ради брата. Моего маленького братишки — русоволосого, смешливого и смелого Альва — оставшегося там, в ведьмином лесу. И в этом только я виновата, и никто другой!

Я не смела сомневаться, не могла отступить.

Даже если маг потребует мое сердце на серебряном блюде — я не смогу отказать. Не имела права!

Перед мысленным взором так и стоял злополучный разговор в трактире. Он крутился в голове снова и снова, как прилипчивая скабрёзная бардовская песня, которую и напевать стыдно, и избавиться невозможно.

Маг — такой самоуверенный, самодовольный и наглый — смотрел на меня как на какой-то... товар! Разве мало ему золота? Нет, он решил поглумиться над горем сестры, готовой пойти на все, только бы спасти родного человека.

Отвратительно.

Еще и рассматривал, будто уже все позволено, получены все возможные разрешения! Взглядом раздевал, под кожу забирался. И глаза такие странные у него: медовые с золотом, светящиеся, с темным до черноты краем радужки.

Как у хищного животного: кошки или волка. Холодные, как ледышки!

А ведь отец магов всегда уважал. Говорил, что лекарей среди них много, что ремесло свое они готовы использовать во благо, и если человек нуждался в них, то маг мог и вовсе платы за свои труды не взять.

“Не взять платы, как же, — подумала я с досадой. — Потребовал, да еще и такую! Угораздило же меня вляпаться в этого противного,

самодовольного упыря.”

За спиной хрустнула ветка. Слишком громко, специально, чтобы привлечь мое внимание.

— Самодовольный упырь, значит?

Вздвогнув всем телом, я резко обернулась и чуть не захлебнулась воздухом, потому что маг подошел слишком уж близко. Вчера, сидя за столом, я и не думала, что он такой высокий!

Под плотным, облегающим тело свитером из тонкой шерсти проступали тугие мышцы. Они мягко перекачивались при каждом движении, и когда мужчина скрестил руки на груди, то к моему горлу подкатил удушливый ком страха и волнения: казалось, что одно движение длинных пальцев — и я могу остаться без головы.

Он не походил на моего отца или любого другого местного охотника — мощного, широкоплечего и грузного.

Скорее, на дикого кота, для которого ловкость — залог выживания.

Простой темно-серый плащ мягко облегал крепкие плечи и был изрядно потерт. Маг явно не из тех, кто предпочитал мягкую постель открытому небу. Потрепанные, но все еще крепкие сапоги повидали не одну дорогу, а к правому бедру была пристегнута кожаная сумка, когда-то выкрашенная в бордовый цвет.

Маг опирался на высокий посох, с острым, похожим на копье навершием из темно-синего камня. Только сейчас я заметила, что на безымянных пальцах у него было по два кольца. Бело-серебристые широкие ободки, испещренные синими прожилками. Холодный, сырой ветер взъерошил густые черные волосы, поднял пряди в воздух, открыв точно такое же колечко, поблескивающее в ухе мужчины.

Медово-золотые глаза слабо мерцали, но оставались такими же холодными, как и вчера.

— К твоему сведению, малышка, упыри — милейшие создания.

— Не называй меня так! — я вскинула голову и вытянулась в полный рост, в надежде стать хоть на дюйм выше. От чувства, что со мной во всех смыслах разговаривают свысока, во рту было кисло.

Маг только хмыкнул себе под нос, блеснул белозубой улыбкой и чуть наклонился. Двигался он так быстро, что я даже не успела понять, как мои волосы оказались намотаны на кулак, а голову зафиксировали — не вывернуться.

Вскрикнув, я хотела пнуть мужчину коленом, да побольнее — чтоб

неповадно было лапать! — но, просто оставив посох стоять, он перехватил мою ногу второй рукой и сдавил с такой силой, что стало больно.

Рванув на себя, маг подтянул меня вплотную и, все еще самодовольно улыбаясь, впился в губы жестким поцелуем. Уперевшись ладонями в широкую грудь, я дернулась изо всех сил, но было проще выбраться из-под здоровенной глыбы, чем сдвинуть мужчину с места. Рука стянула волосы до колкой боли, удерживая мою голову так крепко, даже грубо. Горячий язык прошелся по зубам, будто умолял впустить его, позволить ворваться в рот.

От обиды и злости перехватило дыхание. Чувствуя, как медленно щеки наливаются густым румянцем, я попыталась вырваться — но куда там! Никакая сила в мире не помогла бы мне избавиться от капкана широкой ладони, медленно переместившейся на мое бедро.

Кончики пальцев мужчины жгли и морозили одновременно, скручивали мускулы тугими узлами, а сердце колотилось в груди испуганной птицей, билось о ребра, норовило вырваться наружу, расправить крылья и рвануть в чистое синее небо.

В горячечном тумане я успела порадоваться, что юбки в нашем поселении не в чести: слишком для них холодно. Все, чего мог коснуться наглый упырь — плотной ткани штанов.

— Все-таки упырь, да? — шепнул он, разорвав поцелуй, и, коснувшись губами уха, неожиданно больно прикусил мочку.

Странное оцепенение, сковавшее тело по рукам и ногам, слетело, будто его и не было.

Взвизгнув, я воспользовалась тем, что руки у меня свободны, и, хорошенько размахнувшись, вlepила наглецу увесистую пощечину.

Едва не отбив ладонь!

Головешка у мага оказалась больно крепкой.

— Хищница, — пробормотал он и широко улыбнулся. — Ладно, живи пока.

От резкого толчка я растянулась на земле, в снегу, сгребая пальцами белую холодную труху. Так стыдно и гадко мне в жизни не было! Злые слезы подступили к глазам, но я сдерживала их из последних сил.

Я не доставлю ему удовольствие. Нет-нет-нет!

Поднявшись, я отряхнула штаны, поправила растрепавшиеся

волосы и всем видом показала, что вот вообще ни капельки не больно и пусть катится во мрак! От вида красного пятна, расплывшегося на самодовольной роже, даже на душе потеплело.

Впрочем, ненадолго.

— И зачем тебе эта зубочистка, скажи мне на милость? — маг ткнул пальцем в короткий клинок, надежно пристегнутый к моему поясу.

— Чтобы защищаться, конечно!

Он замер на секунду, а потом расхохотался.

— Так же, как ты защитилась сейчас?!

— Отец меня учил, между прочим!

— Ах, ну да, отец учил, — маг отмахнулся.

И даже не подумал перестать ржать!

— Я просто не ожидала... нападения!

Его взгляд вдруг потерял всякую смешливость, а лицо стало серьезным, даже суровым. Темные брови вразлет сошлись к переносице, а широкая ладонь запуталась в длинных черных волосах и взъерошила их на затылке.

Он выглядел так, будто разговаривает с глупым, нерадивым ребенком, что впервые собирается с отцом на охоту.

— Волки, или какие еще твари из ведьминога леса, не станут тебе кланяться со словами: “Милостивая госпожа, я сейчас соизволю напасть”.

— Я в курсе! — упрямо нахохлившись, я повторила его позу, сложив руки на груди. Так мы и стояли несколько секунд, пристально рассматривая друг друга, как две одичавшие собаки, готовые броситься в бой.

— Если ты со мной не справишься, то с ними не совладаешь и подавно.

— Для этого у меня есть ты, — парировала я. — Я тебе плачу не за красивые глаза!

Мужчина усмехнулся так едко, что стало не по себе.

— Ты пока еще ничем не платишь, малышка. Но уже скоро.

Тяжело сглотнув, я отвела взгляд. Невыносимо было смотреть, как этот бессердечный наглец оценивает меня.

Ради брата. Пусть только Альва вернется домой!

— Выдвигаемся! — гаркнул маг резко, заставив меня

вздрагнуть. — Поищем твоего ненаглядного братишку.

Илва

Страх сковал меня, мешал дышать, двигаться и думать. Я старалась не сталкиваться взглядом с магом и держалась в стороне, чтобы мужчина точно не смог меня схватить, даже если бы очень захотел. Ощущение его возбуждения было слишком отчетливым, жарким и липким, приставучим, как репей, случайно зацепившийся за рукав свитера.

Впервые с момента нашего знакомства стало по-настоящему страшно.

Вдруг обманет? Затащит подальше в лес и просто возьмет свое? Он прав: я не смогу справиться с чародеем.

Мысли, одна мрачнее другой, проносились в голове, а все, о чем я могла думать — бегство. Немедленное бегство!

Но тут же голосок здравого смысла осадил меня, прибил к земле и ударил по лицу стыдом и негодованием:

“Ты сюда пришла брата спасти. Сама же говорила, что готова на все, а теперь струсила?! Как малыш Альва сможет рассчитывать на сестру, если она готова нестись прочь, теряя сапоги, при одном только намеке на опасность?! Маг хочет тебя? Тоже мне — новость! Обрати его желание против него. Пользуйся его благосклонностью, его слабостями. Твоя цель — спасти брата! Все остальное не имеет значения”.

Не имеет значения...

Правда, не имеет?

Фолки выглядел раздраженным, измученным, но не пытался меня коснуться или что-то сказать. Он будто и в самом деле стыдился своей тяги, а вся его надменность и наглость растворились в темноте обступившего нас леса.

— Мы должны будем вернуться на это же место с твоим братом, — золотистые глаза опасно сверкнули, — или без него.

Я вскинулась, как испуганная птица. Что значит “без него”?!

— Такого уговора не было!

Маг стряхнул с плаща темные снежинки и подошел ближе, навис надо мной густой тенью, скалой, которую невозможно сдвинуть с места, как ни старайся, отчего в горле предательски пересохло. Подняв голову, я встретила его взгляд с вызовом, но совсем не чувствовала в душе

уверенности в собственных силах.

— Я не давал никаких гарантий, малышка.

Голос его сел и охрип, прокатился по нервам раскаленным шелком, запутался в волосах, и я кожей ощутила прикосновение, которого на самом деле не было. Будто воздух вокруг уплотнился и поглаживал меня широкой невидимой ладонью.

— Было бы неплохо, расскажи ты мне все... с самого начала.

Тряхнув головой, я укуталась в плащ, но ощущение чужих прикосновений никуда не делось. Облизнув пересохшие губы, я бросила затравленный взгляд на темные высоченные ели и задрожала ни то от холода, ни то от страха.

— Если найдем место, где можно передохнуть, — сказала глухо и обошла Фолки по широкой дуге. — Не здесь. Пожалуйста.

Маг коснулся моего плеча, а внутри будто что-то взорвалось и заискрилось, заставив меня закусить нижнюю губу и дернуться в сторону. Невидимая теплая рука удержала меня за локоть и не дала свалиться в снег.

Это все его проделки!

Это Фолки меня... трогает!

Магией своей пользуется, упырь проклятый.

— Не отходи далеко, — голос мага вибрировал от сдерживаемого смеха. — Игры закончились, малышка.

— Я — Илва! И хватит называть меня “малышкой”!

Фолки ничего не ответил. Двинулся вперед, иногда поглядывая за спину: проверял, не отстала ли я. Навершие его посоха мягко вспыхнуло синим, расплескивая вокруг призрачный свет, разгоняя прочь тени и рисуя на снегу причудливые узоры. Я удивленно поняла, что не слышу собственных шагов, хотя снега было почти по колено и при каждом шаге проламывалась тонкая корочка смерзшихся снежинок.

— Ты шумела, как раненый лось, — сказал Фолки. — Я это чуть-чуть подправил.

Обиженно надувшись, я уткнулась носом себе под ноги и упрямо плелась за магом. Ну и что, что отец так и не научил меня своим секретам? Сам-то он ходил совершенно бесшумно, но на охоту меня никогда не брал. Говорил, что опасно это, да и нельзя мне было от дома далеко отходить. Я даже в город решила пойти только после его смерти! И если бы не желание найти брата, то и на милую бы к магу не

приблизилась...

И дело было совсем не в диком зверье. Папа так боялся, что я могу пропасть в лесу, что даже до опушки дойти не давал, хотя я раз за разом сбегала в отчаянной попытке вернуться к домику в чаще, где в последний раз видела брата. Но лес не пускал меня. Я снова и снова возвращалась домой с пустыми руками и выслушивала надрывные крики отца. Запиралась в себе, пряталась все глубже — только бы не думать о том, что все, не найду своего милого братишку.

Задумавшись, я не заметила, что Фолки остановился, и на полном ходу врезалась в его спину.

О, боги, было бы не так больно врезаться в камень!

Потерев нос, я шагнула в сторону, чтобы посмотреть, что так насторожило мага.

Деревья немного расступились, открыв кроваво-красную ленту узкой речушки, тускло поблескивавшую в свете звезд и острого серпа желтой луны. На заснеженном берегу кто-то возился, а через секунду в небо взвился пронзительный вой.

— Стой здесь! — рявкнул Фолки и ударил посохом по земле, укутывая меня слабым золотистым свечением.

Маг сорвался с места и бросился вперед, неся по снегу с такой скоростью, что перед глазами все расплылось и смазалось.

Удар посоха — и треск синего камня оглушил меня. Вспышка больно резанула по глазам, заставляя меня припасть к земле, зарыться пальцами в рыхлый, обжигающе холодный снег и зажмуриться изо всех сил.

Визг и вой прокатились над головой, ударили в ели, сбивая с них пушистые белые шапки, раскачивая мохнатые лапы. Что-то хлопнуло и треснуло, будто переломили высохшую ветку. Булькнула вода.

И через секунду все стихло, а золотистый купол рассыпался, позволив мне встать на ноги.

Поискав взглядом Фолки, но ничего не рассмотрев в подступившем мраке, я бросилась к красной ленте речки, чтобы посмотреть, что же там произошло.

Проваливаясь в снег, медленно двигаясь вперед, я задыхалась, глотая холодный воздух. В голове роились самые разные мысли, одна мрачнее другой. Слишком уж тихо стало вокруг. Вдруг с магом что-то случилось? Вдруг его там твари какие-нибудь загрызли?!

Казалось бы, стоило подумать о том, как выбраться да как брата искать, если без проводника останусь, но внутри kloкотали стыд и чувство вины и ответственности за чужую жизнь.

Я его сюда привела, как Альва когда-то.

Это будет моя вина, если с Фолки что-то случится!

Выскочив на берег, я перемахнула на противоположную сторону и замерла, во все глаза рассматривая открывшуюся картину.

В нескольких футах от реки по снегу ползла молоденькая девчонка. Густые черные локоны облепили узкое бледное личико, огромные черные глазищи таращились на мага, который стоял между мной и странной незнакомкой. Одетая она была в тонюсенькую белую рубаху. В такой-то холод!

Стоило девчонке раскрыть рот, как оттуда вылетело только сдавленное бульканье и шипение. Так могла бы шипеть разъяренная кошка.

— Фолки, что?..

Маг стянул с плеч плащ и подошел ближе к съежившейся фигурке.

— Не дергайся, — проговорил он тихо. В его голосе скользнула какая-то незнакомая мягкость и терпеливость, как у отца, говорящего с испуганным ребенком. — Тише, тише, не шипи! Я знаю, кто ты, слышишь?

Девочка склонила голову набок, сжалась и ударила рукой наотмашь, метя острыми когтями в лицо Фолки, но маг ловко отклонился в сторону и сделал еще один шаг.

— Я тебя не обижу. Я знаю, почему сестры на тебя напали.

Незнакомка прислушалась и застыла, как каменное изваяние. Она позволила Фолки накинуть плащ на дрожащие плечи, завернуть себя в теплый кокон и прижать к широкой груди.

И всего через секунду — безутешно разрыдалась.

Она плакала так горько, что у меня сердце сжалось в груди от тоски и обиды за это хрупкое создание, неизвестно как попавшее в проклятый лес.

Осмотревшись, я заметила темный провал пещеры, откуда и брала свое начало кровавая река.

— Давай отведем ее туда, — сказала я, осторожно касаясь плеча Фолки. — Нельзя вот так посреди леса сидеть.

Фолки

Несколько капель крови — и совершенно сырые ветки вспыхнули и затрещали получше любого просушенного хвороста. Пещера наполнилась запахами смолы и дерева, а вверх повалил густой дым, который пришлось быстро отвести прочь простеньким заклинанием.

Я пристально следил за каждым движением Илвы и с удивлением отметил, что спасенная русалка быстро выпуталась из моего плаща и жалась к девчонке как к единственному спасению. Магические существа редко подпускали к себе людей, но тут случай особый. Запах ей, что ли, понравился? Не исключено.

Илва от такого внимания смешалась и залилась яркой краской. Попытавшись отодвинуться от волшебного создания, она только вызвала новую волну шипения, и цепкие пальчики русалки вцепились в нее, как клещи, — не вырваться теперь.

— Что ей от меня нужно? — с отчаянием прошептала девчонка, пытаясь отодрать русалку от штанины.

— Понравилась, чего непонятного? — я не мог сдержать рвущийся из груди смех — так забавно выглядели попытки малышки сопротивляться существу, которое по факту могло запросто переломить ее пополам. Если бы захотело. Это большая удача, что русалка ластилась к Илве.

Можно будет это использовать позже.

— И они все... такие?

— О нет. Далеко не все. Ее сестры разорвали бы нам глотки.

При упоминании других русалок черноглазая бестия что-то пророкотала, зашипела дикой кошкой и отошла на шаг назад, будто кто-то собирался ее обижать.

Иногда рождаются вот такие “отклонения”. Невосприимчивые к внушению ведьмы. Изгои и чужаки, которых могли раздрать в клочья только за сам факт своего существования. Я знал, чем этой крошке грозят столкновения с озлобленными соплеменниками. Видел шрамы на белой коже, под сорочкой.

Видимо, она долго выживала сама, но попалась в засаду.

Все они рано или поздно попадались. Ведьма не терпела, если кто-то смел противостоят ей.

Илва немного успокоилась и устроилась у костра. Благо она догадалась взять с собой припасы и сейчас вяло жевала кусок сыра да не отрываясь смотрела в огонь. В отсветах пламени ее волосы блестели и

отливали алым, локоны туго завились от влаги и настырно лезли в глаза.

Достав из сумки купленное в поселке мясо и хлеб, я протянул русалке несколько широких полосок солонины. Лучше, чем ничего. Ее племя — мясоеды, и на буханку девчонка вряд ли позарится.

Она принялась и взяла угощение аккуратно, двумя пальчиками, будто боялась, что я сейчас схвачу ее или сделаю еще какую-нибудь глупость. По тонким губам пробежал темно-бордовый язык, обнажились острые, как у куницы, зубы.

Они могли рвать плоть, выхватывать ее целыми кусками. Неудачливые путники, заманенные в лес дивным русалочьим пением, становились легкой добычей, попав под чары речного народа.

Сев у костра так, чтобы пламя разделяло меня и Илву, я наблюдал, как девочка аккуратно отламывала кусочки сыра и отправляла их в рот. Как птичка, честное слово. Совсем она не походила на крепких северных жителей, привыкших к охоте и долгим лютым холодам. Цветок, застывший среди льдов, — вот она кто. Я даже не мог понять, как она жила все это время!

Правда, со смерти ее отца прошла всего неделя. Малышка даже не успела осознать, что значит жить одной.

Какое мне вообще до этого дело? Я, вроде как, собрался забрать свое, подзарядиться и валить прочь из этой продрогшей до самых костей земли. Признаться честно, я ненавижу холод и все, что было с ним связано.

— Невежливо так рассматривать людей, — пробурчала Илва, заметив мой взгляд.

Я только усмехнулся и, оторвав от солонины приличный кусок, принялся неспешно жевать.

— После нашей сделки что-то все еще кажется тебе “невежливым”?

Кусочек сыра явно попал не в то горло, и малышка закашлялась. Постучав себя кулачком по груди, она подняла голову и, клянусь мраком, мечтала испепелить меня на месте. На бледных щеках проступил соблазнительный румянец, а губы приоткрылись, чтобы выплюнуть очередную колкость:

— Как любой порядочный мужчина ты мог бы взять деньги.

О, время бесед о порядочности. Жаль, что я только что поел, не пойдет ужин впрок.

— Уверен, что в твоём розовом мирке порядочный мужчина отвел

бы тебя к ведьме даром.

Девочка упрямо вскинула острый подбородок.

— Я знаю, что за все нужно платить!

— Вот ты и платишь, — парировал я. — Неужели, я тебе настолько противен, что сама мысль о...

— Замолчи! Не хочу слушать!

— Значит, противен. Не волнуйся, я могу надеть на голову мешок. Или мы можем надеть мешок тебе, чтобы было не так страшно.

Ох, я мог бы бесконечно смотреть, как она медленно наливается яростью.

— Ты не в моем вкусе — вот сам и надевай! — рыкнула Илва и надулась не хуже разъяренного ежа.

— Если хочешь, я могу наколдовать личину, — чуть сдвинувшись в сторону, я заметил, как малышка напряглась. — Расскажешь мне, кого бы ты хотела?

Она хлопнула своими умопомрачительными ресницами и зашипела, как самая настоящая русалка.

— Это не твоего ума дело!

— Но почему?! Не вредничай, — хмыкнул я, придвинувшись еще немного. — Помоложе? Или постарше? Брюнетки или блондины? Может быть — рыжие?

С каждым словом глаза девчонки все больше расширились, пока не стали похожими на плоские. Черты моего лица менялись сами собой, волосы отрастали и укорачивались движением руки, менялся цвет одним только мысленным приказом, а я наслаждался представлением. Простенькая магия не требовала помощи крови, и я мог бы развлекаться так часами.

Стоило мне еще приблизиться, как девочка сжалась, неосознанно сдвинув ноги. Тонкие пальчики вцепились в плащ как в единственное спасение. Я втянул носом нагретый воздух и чуть не захлебнулся ее запахом. Спелая, сладкая...

Только руку протяни — и вот они, белоснежные локоны, ничем не стянутые, густые, мягкие. Тяжело сглотнув, я понял, что совершенно не могу держать себя в узде. Несусь вперед на всех парах, растеряв последние капли осторожности.

Я стиснул ее плечи до тихого вскрика, навис сверху и замер всего в дюйме от приоткрытых губ. Поймал судорожный вздох, запечатал его в

себе и попробовал ее дыхание на вкус.

Если бы я захотел, то мог бы выпить ее прямо здесь. На полу.

Магия не позволит никаким тварям войти без моего разрешения.

Но отчего-то до болезненной дрожи, до жарких судорог хотелось вытянуть из Илвы признание.

Чего ты хочешь, маленькая птичка? Что тебе нужно?

Может, где-то в глубине души я жаждал, чтобы она сказала: “Меня и так все устраивает”?

— Высокие? Или низкие? Коренастые или жилистые? Помоги мне, малышка, я хочу узнать, что тебе нужно.

— Мне нужно брата найти! — выпалила она и вскочила на ноги. — Не смей ко мне прикасаться!

За спиной утробно зарычала русалка. Любое мое движение она могла воспринять как угрозу и напасть.

Да что со мной такое? Просто делай свое дело и забирай приз!

Все ведь просто!

Правда?..

— Я шучу, малышка, — примирительно подняв руки, я указал на костер, хотя внутри ревел настоящий ураган. Я хотел крушить, спустить пар любым возможным способом. Выйти на улицу и валить деревья в конце концов! — Садись. И рассказывай, как так вышло, что твой брат застрял в ведьмином лесу.

Илва

Ведьмин лес. Десять лет назад.

— Давай, Альва, ну чего ты там копаешься!

Братец остановился как вкопанный и жалобно захныкал. Вот же плакса, а! А ведь почти взрослый уже. Дети в поселении охотников в десять лет убивают своего первого снежного энгая и из его рогов делают украшения, чтобы хвастать ими перед младшими. А Альве десять исполнится всего через несколько недель!

— Ну, что такое? — присев на корточки, я коснулась светлых локонов, которые совсем уже отросли, из-за чего братишка все больше походил на девчонку. Отец все чаще пропадал в лесу и на охоте, совершенно ничего не замечал. Нужно будет подстричь его, как домой вернемся.

Отведя в сторону мягкие прядки, я коснулась щеки Альва.

— Ну и чего ты ревешь?

Он жалобно всхлипнул, поднял на меня прозрачные зеленые глазищи и ткнул пальцем в тропинку, которая уже стала больше похожа на желтую ленточку, а не хоженную дорогу.

— Собьемся с п-пути, — пробормотал братец. — Далеко мы ушли, Илва, папа будет волноваться!

Я только фыркнула в ответ.

— Папа даже не заметит, что нас нет! Ты что же, испугался? Сам ведь просился в лес, на “Чудную полянку” посмотреть!

Альва затряс головой с такой силой, что кудряшки взметнулись в воздух золотистой волной.

— Совсем я не испугался! — буркнул брат, вытирая рукавом набежавшие слезы обиды. — Ничего я не боюсь!

“Чудной полянкой” местные дети называли совершенно ровный круг, поросший густой шелковой травой и усыпанный пестрыми головками русалочьих слез, окруженный высоченными темными елями. Они были такими пушистыми, что широкие лапы закрывали собой край поляны, отчего казалось, что из этого странного места нет выхода. Поговаривали, что войти туда может не всякий.

Если ребенок был достаточно смелым и сильным, чтобы пройти от деревушки до “Чудной полянки”, то ждало его вознаграждение.

Я-то сама в эти сказки давно не верила! Но Альва так упрашивал показать ему странное место, что я не смогла отказать. Ранним утром отец ушел на охоту, и я знала, что вернется он не раньше первых сумерек, так что времени бы хватило с лихвой.

Достав из-за пояса охотничий нож, я оставила на дереве несколько зарубок. Дорогу я знала хорошо, но тени часто играли с неосторожными путниками злые шутки. Путали следы и повороты, могли и по ложной тропке в глухую чащу завести!

— Идем, тут совсем немножко осталось! — взяв брата за руку, я уверенно зашагала дальше.

Стоило только пройти чуть дальше, как тропинка оборвалась, а под ногами закурчавился изумрудный мох. Ветки над головой сплелись плотно, будто срослись друг с другом, и совсем-совсем перестали пропускать солнечный свет, погрузив лес в сумрак. Альва жался ко мне и опасливо поглядывал по сторонам, но я знала: “Чудная полянка” где-то здесь.

Еще одна зарубка на дереве. Теперь я начала помечать их через

одно и смазывала отметины пастой из белоцвета, как папа учил. Она светилась в темноте не хуже болотного светляка.

— Илва, ты уверена, что мы не заблудились?

— Конечно, уверена! — моей воинственности мог бы позавидовать самый бывалый охотник. — Уже скоро доберемся — вот посмотришь.

Стоило только замолчать, как лесные шорохи и скрипы обрушились на нас со всех сторон. Где-то что-то шебуршало, царапалось и ухало, а в отдалении явственно был слышен волчий вой. Что-то я не могла припомнить, чтобы отец говорил о волках...

Взмах ножа — и привычная зарубка появилась прямо перед моим лицом. Под ногами потрескивали мелкие веточки и чавкали подгнившие палые листья, смешавшиеся с влажной черной землей. В нос ударил запах теплой коры и влаги, а за ним пришел горький полынный дух, от которого закружилась голова.

Тропинка давно пропала, но я упрямо шагала вперед, уверенная в себе и своей памяти. Правда, с каждой минутой уверенность таяла, как огарок свечи, и оглянувшись, я с ужасом поняла, что за спиной толпятся широкие ели, закрывая собой пути к отступлению.

— Илва... ты разве не чувствуешь?..

Голосок брата треснул и раскрошился снежной крупой, а в лицо пахло настоящей зимней стужей.

Рано ведь еще. Только середина лета...

Елки перед нами расступились, и я вздохнула с облегчением, увидев край "Чудной полянки".

— Говорила же, что доберемся!

Гордо вскинув подбородок, я потянула Альву дальше, и уже через минуту мы топтались посреди шелковой зелени разнотравья и с замиранием сердца рассматривали стоящий на полянке дом.

Дом, которого здесь никогда не было.

— Илва, — протянул братишка. — А разве здесь кто-то живет?

Качнув головой, я крепче сжала дрожащую ладошку Альвы, и мы обошли дом по широкой дуге. Стоял он точнехонько в центре: резьбой украшенный, ставенками замысловатыми и увитый дикими алыми розами да пахучим шиповником. На крылечке, в тени цветочных шапок, сидела женщина и что-то напевала под нос. Тяжелая черная коса была перекинута через плечо, в тонких белоснежных пальцах мелькала иголка, а на полотне перед женщиной медленно, но верно рождался

цветочный узор.

Подняв голову, она окинула взглядом незваных гостей, а я так и замерла с разинутым ртом.

Никогда я не видела таких глаз! Больших, кобальтово-синих, обрамленных густыми черными ресницами. Женщина смотрела не мигая, а ее полные алые губы растянулись в приветливой улыбке.

Вот только глаза ее оставались холодными и внимательными, как у хищной птицы. Мне показалось, что еще немного — и она облизнется, как какая-нибудь кошка, почуявшая запах свежей сметаны.

Спрятав брата за спину, я встала между ним и крылечком, отчего улыбка незнакомки только стала шире.

— Не место детям в этих лесах, — сказала она тихо.

Голос — нежный, бархатистый и мягкий — обнимал плечи, как мамин пуховый платок, а в голове уже роились мысли, что не такая уж незнакомка и странная. И улыбка совсем не злобная и не хищная.

Показалось...

— Заплутали, да? — женщина сочувственно покачала головой и поднялась. Темно-синее платье, расшитое цветами шиповника, мягко зашуршало по густой траве, а незнакомка будто и вовсе не касалась земли. Я не слышала ее шагов. — Не выйти вам из леса до зари. Существа ночные да хищники не дадут вам вернуться домой.

— Но ведь еще совсем рано? — пробормотала я смущенно.

— Милая, да ты совсем за временем не следишь! — женщина рассмеялась и указала на алеющее небо. — Закат уже. Кончается светлое время.

Как же так?

Мы вышли из дома сразу же, как ушел папа. Рано совсем было! Не могли же мы бродить по лесу целый день...

Будто опровергая мои слова, в животе протяжно заурчало, а хозяйка дома без всякого стеснения потрепала меня по волосам, вытряхивая из моей головы последние крошки здравых мыслей. Было что-то нечеловеческое, колдовское в ее красоте. Отчего невозможно было отвернуться, уйти и не слушать чарующего голоса, проникающего в самую душу.

— Голодные, да? — спросила она, сверкая кобальтовыми озерами глаз. — Оставайтесь, а утром я сама вас к тропе выведу.

— Илва-а, — жалобно протянул Альва за моей спиной. — Папа

ругаться будет. Он же строго-настрого запрещал нам ходить по лесу после заката.

— Малыш... — Я и сама не заметила, как незнакомка обогнула меня одним плавным движением и присела на корточки у ног брата. Взяв его ладошку в свою, она так тепло улыбнулась, что у меня сжалось сердце. Даже папа нам так не улыбался.

Особенно после того, как мамы не стало...

— Я сама с вашим папой потолкую, — уверила Альву женщина. — Он не будет ругаться, я обещаю. Вы совсем продрогли, а твоя сестренка голодна. Спорю, что и ты тоже. — Она перевела взгляд на меня. — Темнеет, давайте зайдем в дом.

— А пирожки с яблоками у вас есть? — деловито спросил Альва.

Я хотела одернуть брата. Неприлично вот так сразу с вопросами приставать, особенно про еду спрашивать!

Но женщина меня опередила и мягко подтолкнула его вперед, к крылечку.

— И пирожки тоже, — незнакомка сверкнула белозубой улыбкой. — Все, чего захотите.

Ночь, быстрая и безжалостная, как волчья стая, навалилась на “Чудную полянку”, похоронив ее под собой. Я не успела заметить, когда же так быстро стемнело, а на душе кошки скребли и было совсем неспокойно. Казалось бы, в светлом и уютном доме я должна была чувствовать себя защищенной, но не чувствовала.

Еда не утоляла мой голод, питье не отгоняло жажду, но было страшно просить еще, а вот Альва себе ни в чем не отказывал; и незнакомка смотрела на него так пристально, что мурашки бежали по спине, а под сердцем то и дело колола холодная “игла”.

Когда со стола исчезли миски и кувшины, меня потянуло в сон. Это было не приятное полусонное состояние, как после плотного ужина, а тяжелая и липкая дремота, которую я не могла отогнать даже умывшись холодной водой. Ноги подкашивались, а белоснежные перины манили, звали к себе, умоляли склонить голову и утонуть в пышной прохладе подушки.

— Альва... — пробормотала я, но братец не ответил. Тяжелый, тошнотворный ком страха заворочался в груди, но и его подавила неподъемная тяжесть сна.

Кто-то шептал мне на ухо простенькую колыбельную, укачивал в

крепких руках, а через секунду под спину скользнула мягкая перина — и я уже не могла думать ни о странном доме, ни о его хозяйке, ни о том, что на “Чудной полянке” отродясь никто не жил.

Вынырнула я из сна с боем, отвоевывая каждый кусочек реального мира, вырывая его из цепких когтей дремы. Перекатившись на бок, я несколько раз моргнула да так и застыла, поняв, что брата нет рядом, хотя точно помнила — незнакомка уложила нас в одну постель и пела колыбельную.

Как мама когда-то.

С трудом удерживая глаза открытыми, я свесила ноги вниз и аккуратно коснулась ступнями ледяного пола. Он был даже холоднее снега, пронизывал пятки острыми иглами и ввинчивался стужей до коленей, прикрытых тонкой сорочкой.

Хотелось позвать брата, но голос не слушался. Из горла не вылетал даже тихий шепот, что уж говорить о крике.

Цепляясь вспотевшими ладонями за мебель, я медленно подошла к двери.

Толкнула ее раз, второй, но не сдвинула ни на дюйм.

Заперто?

Зачем?

Уперевшись в дверь двумя руками, я толкнула изо всех сил и, услышав тихий скрип, вздохнула с облегчением.

Показалось.

Дом стоял темным и холодным. Только в очаге тлели угли, распространяя вокруг тусклый кровавый свет. За окном же клубился непроницаемый мрак. Такой густой, что при желании его можно было намазать на буханку хлеба.

Сколько же я спала? И где Альва?

Увидев рядом с очагом еще одну дверь, я заметила, что она приоткрыта и через щель льется свет. Крадучись, я приблизилась к комнате, которую днем не заметила. Прижавшись щекой к дверному косяку, я прищурилась, чтобы заглянуть в щелку.

И так и застыла, не в силах двинуть ни единым мускулом.

Альва висел прямо в воздухе.

Его ничто не поддерживало: руки и ноги безвольно болтались, как веревки у испорченной марионетки. Широко распахнутые глаза

уоставились в потолок, темный от копоти.

— Я тебя давно искала, — прошептал кто-то в стороне, и я увидела встретившую нас незнакомку.

Крик застрял в горле, а сердце подпрыгнуло в клетке ребер и пропустило несколько ударов, когда из-под прекрасного белокожего лица проступили совсем другие черты. Обвисшие дряблые щеки, впалые глаза, да не одна пара, а три, как у паука. Широкий рот растянулся в стороны, обнажив острые зубы. Длинные скрюченные пальцы дергались и извивались, как крохотные змейки, а из-под мешковатого балахона вынырнула вторая пара рук и, подхватив со стола крохотный черный кувшин, поднесла его к глазам брата.

— Я выучу тебя, маленький маг, — прошелестел голос у самого моего уха.

Густая мгла полилась из горлышка, залепила глаза и рот брата, как древесная смола.

Оцепенение спало пересохшей шелухой, широкая невидимая ладонь толкнула вперед, в комнату, а из горла вырвался пронзительный крик.

— Альва! — взвизгнула я и, схватив первое, что под руку подвернулось, запустила в тварь тяжелый глиняный кувшин. — Пошла прочь от него!

Нечто будто и не заметило ничего — только повело лениво пальцами.

Пол ушел из-под ног — и уже через секунду я болталась вниз головой, путаясь в сорочке и отчаянно крича.

Рывок!

Острая боль пронзила плечо. От удара в голове все перемешалось и закрутилось серо-красными жгутами.

— Пошла вон, — безучастно проговорило нечто и взмахнуло рукой, отчего мир завертелся, вспыхнул кровавыми искрами и разлетелся лохмотьями, когда я вылетела из дома через окно.

Пролетев несколько футов, я врезалась в землю и покатилась кубарем до самой границы поляны. Влажная земля и трава забили рот, в ушах гудело, а перед глазами растекалась вязкая красная муть, которую тотчас прорезал громкий волчий вой.

— Разорвать! — услышала я крик.

Вскочив на негнущиеся ноги, я увидела огоньки желтых хищных

глаз. На поляне, у дома, среди деревьев, повсюду! Стая медленно приближалась, темные носы втягивали холодный воздух, выискивали мой запах, клацали острые клыки, а из пастей к земле тянулись вязкие нитки густой слюны.

Не разбирая дороги я рванула прочь, оставляя на низком кустарнике куски сорочки и сбивая в кровь ноги; а когда уже перестало хватать воздуха, а коленки подламывались от страха и усталости, опора исчезла вовсе — и я, крича и разбрасывая вокруг комья земли и вырванной травы, покатила вниз, к заполненному водой оврагу.

Фолки

Она говорила и говорила, а я все отчетливее чувствовал, как тяжестью наливается голова и боль стискивает затылок.

Десять лет назад. Маленькая девочка, потерявшаяся в лесу, молящая о помощи.

Нет-нет-нет, не бывает таких совпадений, ведь правда?

— Я так и спряталась в канаве, — прошептала Илва, уставившись на огонь. — Там росла дурманка — пришлось натереться ей от пяток до затылка, чтобы отбить волкам нюх. Когда стая оставила меня, я выбралась и шла, пока хватало сил, искала свои зарубки на деревьях, но их не было! Кора затянулась, как живая, ничего не осталось. Даже не знаю, сколько времени прошло. Я растянулась на мху под деревом и молила богов забрать меня. Я предала брата. Бросила его.

Нижняя губа девчонки предательски задрожала, и крупные жемчужинки слез покатались по бледным щекам. Закутавшись в плащ как в спасительный кокон, она так и сидела, тихо всхлипывая и разливая вокруг свое горе.

— Потом я встала и пошла снова. Вспомнила папу, подумала, что он не переживет, если не узнает, что случилось. Бросится еще в лес искать, да сгинет там.

Русалка примостилась рядом и доверчиво положила голову Илве на колени. Она урчала, как самая настоящая кошка, и пыталась заглянуть малышке в глаза. Ловила острыми когтями слезинки и брезгливо стряхивала их в огонь, будто таким нехитрым образом была способна избавиться от тоски.

— Я не могла найти нужную тропинку — лес меня не хотел отпускать! Сев под деревом, я молилась, чтобы хоть кто-то помог мне выйти, а тут смотрю: на ветке сидит ворон. Красивый такой, большой,

черный, перья блестящие. Поначалу я испугалась, что это прихвостень ведьмы, но птица слетела на землю и посмотрела на меня, прям как человек. Будто понимала, что со мной. Я тогда его попросила...

— Господин ворон, помогите мне...

Девочка замолчала и подняла на меня мутный от слез взгляд.

— Ч-что ты сказал?

— Десять лет — долгий срок. Я совсем тебя не узнал, малышка.

И правда не узнал. Даже ее белоснежные кудри и удивительные глаза не всколыхнули ничего в памяти, не щелкнуло ничего в голове, а ведь должно было.

Я не хотел говорить о судьбе и прочей похожей чуши. Все это больше напоминало какую-то жуткую шутку мироздания, ведь, в каком-то смысле, я сюда вернулся из-за девчонки. И свою силу обращать в ворона тогда потерял из-за нее.

Она удивленно моргнула, открыла рот, но не знала, что сказать. Я бы тоже не знал, оказавшись на ее месте.

— Но люди не могут...

— Маги могут, — я не осмеливался даже смотреть ей в глаза — так все-таки странно все повернулось. — Но я тогда свою силу потерял. Ведьма любит коллекционировать чужие силы, так что выбрался я из леса все еще магом, но без звериного обличья, — усмехнувшись, я сцепил пальцы под подбородком. — За все приходится платить, да?

— То есть ты все равно собирался сюда вернуться?! И при этом предложил мне заплатить таким... таким образом?!

— Да, предложил! — резко ответил я. — Мне не нужно золото, малышка. Я достаточно зарабатываю, просто занимаясь целительством в больших городах.

— Если тебе ничего не нужно, то почему?!..

— Потому что хочу тебя, — я наблюдал, как наливается краской ее лицо. — Можешь называть это симпатией с первого взгляда.

— Отомстить решил? — прошипела Илва. — Из-за меня силу потерял, так решил таким образом отыгаться?!

— Ничего подобного! — я примирительно поднял руки. — Я не злопамятный. Умею нести ответственность за свои решения. Если бы ты увидела в лесу рыдающую девчонку — перемазанную грязью, испуганную, потерянную — то ты бы прошла мимо, м? Вот и я не прошел. А последствия... ну, я пришел с ними разобраться, и ты здесь

совершенно не при чем. Просто так сложилось, Илва.

Девчонка замолчала. Ее взгляд совсем потух и опустел.

Не поверила. Ни единому слову не поверила. Теперь будет думать, что я намеренно так отыгрываюсь за утраченный дар.

Откашлявшись, она продолжила свой рассказ:

— Когда я вернулась домой, то отец уже собирал людей, чтобы отправиться на поиски. Он так обрадовался вначале, а потом... все кричал и кричал, спрашивал, где Альва. Что я могла ему сказать? Что бросила брата в лесу? Я ненавижу себя за это.

— Это не твоя вина, — ответил я. — Ты ничего не могла сделать.

— Откуда тебе знать?! — выпалила девчонка и посмотрела так зло, что мурашки побежали по спине.

— Будь уверена: против ведьм у детей шансов нет.

Она задышала часто, покраснелась от злости.

— Я могла бы вмешаться! Я могла бы...

— Что? Ворваться в комнату? Найти оружие и напасть?

— Да! Да, будь ты проклят! Я могла сделать хотя бы это!

Русалка отползла в сторону и выразительно накрыла голову руками, словно пряталась от гнева небес.

Точнее и не скажешь.

— Ведьма убила бы тебя на месте, — стараясь ничем не выдать закипевшее во мне раздражение, я уперся локтями в колени и положил подбородок на сцепленные пальцы. Какая же она все-таки упрямая и глупая! Совсем не понимала, с какой силой столкнулась и при этом выжила. — Или ты этого и хотела? Умереть в неравном бою? И что дальше? Так хотя бы один ребенок вернулся домой. Твой отец сошел бы с ума от горя, потеряв обоих детей.

— Он и так сошел! — Илва истерично рассмеялась. — С того дня я из дома не могла выйти. Он даже не разрешал мне ходить в соседний город, держал под замком. Боялся, что и я в лесу сгину, что не отпустит меня ведьма просто так. Позовет — а я и подчинюсь.

Она закусила губу и отвернулась. Хрупкие плечики мелко подрагивали, и хотелось сесть ближе, обнять ее, погладить по голове и прошептать, что все наладится.

Но я не сдвинулся с места.

Во-первых, она бы послала меня на хрен.

А во-вторых, я не мог пообещать невозможное.

Илва отчаянно хотела найти брата, все еще верила, что тот жив и только ждет возможности вырваться из цепких когтей ведьмы.

Слишком много времени прошло.

Малец уже взрослый, а значит...

Даже думать про это не хотелось. И говорить об этом с девочкой — тем более. Не поверит, не примет правду!

Но как идти дальше и знать, что ее братишка, которого она помнит смешным и розовощеким, теперь превратился в покорную собачку?

Стоит только ведьме пальцами щелкнуть — как он бросится в атаку, никого не пожалеет! Плевать ему, кто перед ним. Хоть трижды сестра.

Мне не должно быть до этого дела, да?

Я не хотел терять источник силы, хотя, видит мрак, источников в мире было достаточно, но я желал именно ее.

Помутнение какое-то!

И я никак не мог позволить, чтобы Илва стала источником для местной суки-колдуньи.

Она и так получила суженого. Если получит еще и такую подпитку, то кто знает, какой могущественной может стать.

— Я пыталась найти ту тропинку, — заговорила Илва снова. — Когда отца не было — вылезала через чердак, но лес не принимал меня, не пускал дальше. И когда папа понял, что я хочу сделать, — перекрыл и эту дорогу. Жутко злился и все кричал, что одна я у него осталась, что нет больше Альвы.

— Не так уж он и неправ.

Девчонка взвилась, как ужаленная, сверкнула зелеными глазищами. Русалка аж на месте подскочила и отползла еще дальше, к стене пещеры.

— Не смей так говорить!

— Но почему? Твой брат уже не тот, кого ты помнишь.

Слова застряли в хрупком горле, и сил малышке хватило только на сдвленный шепот:

— Я тебе не верю. Он меня вспомнит и вернется домой!

— Твое право, — я поднялся. Посох сам скользнул в ладонь, наверху мягко вспыхнуло, подхватывая искры костра. Огонь быстро потерял силу, а уже через секунду — совсем погас. — Наотдыхались. Пора идти.

— Фолки! — девчонка вцепилась в мою руку, застыла, сжалась, как пружина. — Ты и правда думаешь, что мы не сможем его спасти?

— Я не думаю. — Огонек надежды, вспыхнувший в ее взгляде, тотчас угас. — Я знаю.

— Но ведь?!..

— Если она собиралась его выучить, значит Альва — маг, а когда ему стукнуло восемнадцать...

Девочка тяжело сглотнула.

— То что?

Говорить или умолчать? Она могла бы сама догадаться, если бы не была столь изумительно наивна. Видать, отец окончательно тронулся умом раз до такой степени оградил ее от реального мира.

То-то она так бесстрашно пошла в город, мага искать.

Илва просто не ведала, чего стоит опасаться, а чего — нет.

— Ведьмы ищут сильных магов с совершенно определенной целью. Они предпочитают похищать детей и обучать их, превращать в персональных стражей, готовых выполнить любую команду. И когда маг полностью входит в силу, что случается обычно через пару-тройку месяцев после совершеннолетия...

В зеленых глазах сверкнул далекий огонек осознания, какого-то глубинного понимания и разлетелся тускло-красными искрами страха, стоило мне только произнести:

— Они спят со своими повзрослевшими подопечными. Надо объяснять зачем?

Илва

Русалка увязалась за нами и не отставала ни на шаг. Постоянно норовила ухватить меня за руку и тихо мурлыкала, в глаза заглядывала, будто спрашивала: не бросим ли мы ее в лесу? Не предадим ли? Не отдадим ли сестрам, ведьме или волкам?

Существом она оказалась ранимым и хрупким, хотя Фолки уверял — русалка способна постоять за себя не хуже взрослого воина. Ее когти и клыки могли защитить девушку, спасти от хищного зверья, но у меня никак не получалось отделаться от мысли, что такое нежное создание просто не способно ринуться в атаку и победить.

Снег под ногами совсем не хрустел — колдовство мага работало безупречно. И именно сейчас мне смертельно хотелось услышать хоть какой-то шум. Скрип или шорох, что угодно!

Чтобы понять, что все это — взаправду.

Что я действительно в этом лесу, с волшебным созданием и совершенно чужим, незнакомым магом, иду к жуткой ведьме.

Бесшумность делала мир вокруг нереальным, похожим на страшный сон.

Это и был страшный сон! Совершенный кошмар, из которого я не могла вырваться, захлебывалась ужасом и дурным предчувствием, колючей болью в груди. И разделить ее было не с кем. Фолки бы не понял. Куда там ему! Он изначально всем своим видом показал, что не трогают его мои слезы и терзания, а я не могла справиться с волнами паники, накатывавшими снова и снова.

Что, если Фолки прав?

Нет! Я не смею отступать! Наверняка есть способ спасти брата, вернуть его домой. Я не сдамся. Костьми лягу, но Альву из лап ведьмы выдерну! Слишком много времени было потеряно, столько возможностей упущено!

Сколько боли и страданий пережил мой Альва, пока жил в плену?

Может, все это время он ждал сестру. Надеялся, что уж я-то его точно не брошу, а я подвела!

Что бы там Фолки не говорил, а я несу ответственность.

— Малышка, ты слишком громко думаешь, — пробормотал маг.

Вскинув голову, я хотела ответить что-нибудь резкое, но маг наградил меня широкой улыбкой, в которой не было ни капли надменности или ехидства. Все слова зацепились за язык, да так и не вырвались на свободу.

— Не знала, что маги еще и мысли читать могут.

Фолки решительно взял меня за руку и сжал пальцы в теплой ладони.

— Не вырывайся, — голос мужчины звучал строго. — Тут под снегом живокорень. Нужно осторожнее идти, без резких движений.

— А если дернуться?

Мужчина беззаботно пожал плечами.

— Сожрет. В холоде он в спячку впадает, но может и проснуться, если сплясать на нем.

Со страхом покосившись вниз, я стиснула руку мага в ответ с такой силой, что в его ладони, по моему мнению, не должно было остаться ни одной целой кости. Только услышав его тихий смех, я поняла, что

Фолки просто отвлекал меня от темы разговора.

— Мрак бы тебя сожрал! — буркнула я зло, но вырваться все-таки не решилась. Вдруг не соврал и правда там что-то живое и клыкастое под снегом спит.

— Подавился бы, — наверху посоха вспыхнуло, и Фолки остановился. — Шаг в сторону, малышка. Вот так. О чем ты там спрашивала?

— О чтении мыслей.

— Я читаю далеко не все, — только сейчас я заметила, что когда Фолки улыбается, можно рассмотреть кончики острых клыков. Не зря мужчина казался мне похожим на хищного зверя. — Лишь самые яркие, но чаще я впитываю чувства, а не четкие слова и фразы. Например, я тебе нравлюсь.

Закашлявшись, я постучала себя кулаком по груди.

— Паршиво работает твой дар, маг.

— Хах! — Фолки потянул меня в сторону и замер на месте, к чему-то прислушиваясь. — Ты можешь обманывать саму себя, малышка, но не можешь обмануть мое чутье.

— Я же говорила, что ты не в моем вкусе, — маг притянул меня ближе и обхватил рукой за талию, отчего по коже побежали мурашки; и там, где его пальцы касалась тела, кожа непривычно нагрелась — будто кровь закипела, потянулась к Фолки, прильнула к широкой ладони.

Посох глубоко вошел в снег — и наверху посоха вспыхнуло синим, вызвав недовольное шипение русалки за спиной.

— У нас незваные гости, — сказал Фолки, и его голос неувлимо изменился. Стал ниже, холоднее, как ветер вокруг, как темное небо над нашими головами. Острые огоньки звезд вспыхнули и смазались, стертые плотным золотым коконом, накрывшим нас.

Маг отстранился, достал тонкий стилет.

Я даже не поняла, что произошло, когда золото кокона сверкнуло на стали.

По тонким вибрирующим стенкам пробежали огненные всполохи, а я задохнулась от удивления и волнения, увидев тяжелые капли крови, падающие в снег.

— Фолки, твоя рука...

— Это всего лишь царапина, — он широко улыбнулся. — Тебе никогда не рассказывали, как маги творят свои чары?

Он поднял ладонь вверх, демонстрируя кроваво-красные ленты, оплетающие запястье. Замерев на месте, я почувствовала странный запах, какой обычно исходит от жаркого костра, будто дохнуло в лицо нестерпимым жаром, раскаленным духом углей и летящего в небо пепла.

— Огнекровные маги собой расплачиваются за волшебство. Чары у нас кровью создаются, питаются от нас, черпают силы из самой глубины наших душ.

Рука скользнула по золотому куполу, оставляя за собой широкую карминовую полосу. Магическая стена вспыхнула, заискрилась и будто засветилась сильнее. Посох задрожал в крепкой ладони с такой силой, что даже я ощутила эту вибрацию. Рядом тихо заскулила русалка и вцепилась в меня мертвой хваткой, оставляя на коже царапины, которых я даже не заметила.

Все, что я видела — это размытые силуэты волков, маячившие за барьером. Во тьме мерцали золотом огоньки хищных глаз, сверкали белоснежные клыки.

— Сколько же их здесь?.. — пролепетала я.

— Слишком много, — ответил мне маг, и честное слово, лучше бы он ничего не говорил.

Фолки

Я кожей чувствовал исходящий от малышки страх, но отдам ей должное — в истерику Илва не впала. Стойко держалась, стискивала мой локоть и что-то торопливо шептала, но я не мог разобрать ни слова. Возможно, девчонка молилась.

Наивная маленькая птичка.

Я всегда верил, что есть тьма и огонь в крови. Они служили мне верой и правдой долгие годы, укрывали от проблем, застилали глаза врагам, согревали, кормили, когда было совсем невыносимо, а вот боги не помогли ни разу. Они отмалчивались и, сидя на своих сверкающих тронах, пялились на людей, растянув рты в презрительных усмешках.

Волки метались за защитной стеной, а я чувствовал, как по капле растворяются мои силы. Невозможно удерживать барьер вечно. Если бы дело касалось только Илвы, то я мог бы продержаться достаточно долго, но прикрывать приходилось всех вместе.

Гадство! Я не поклонник самоубийственных планов...

— Будешь сидеть тихо — и все обойдется, — я повернулся к Илве,

а она вскинула голову и посмотрела так испуганно и затравленно, что в груди все перевернулось. — Ты меня слышишь?

— Они тебя на части разорвут, — залепетала девчонка, вцепившись в мою руку, размазывая кровь по коже. Обжигая меня. — Как ты со всеми справишься?!

За спиной Илвы выросла бледная черноглазая тень. Русалка протяжно зарычала и взглядом указала на волчью стаю — будто хотела сказать, что уж она-то здесь сама разберется, а мне пора взяться за дело и раскидать этих мохнатых тварей.

— Охраняй ее, поняла?

Коротко рыкнув, русалка показала острые когти и обнажила в оскале острые зубы. Она была готова к бою — есть шанс, что за Илву она будет драться до последнего. Магические создания, ведомые запахом, могут идти за избранным человеком на край мира.

— Фолки, я могу сражаться! — малышка привстала на цыпочки, вцепилась в плащ и воинственно сверкнула зелеными глазами.

Купол над нами заискрился, в груди болезненно дернуло, сдавило и хрупнуло, точно кто-то сжал в кулаке сухую ореховую скорлупу.

У меня нет на это времени!

Стиснув хрупкие плечи, я притянул девчонку к себе и впился в мягкие губы. Безжалостно, без нежностей, терзая и прикусывая нежную плоть до соли на языке. Узкие ладошки взметнулись вверх, пальцы вплелись в волосы и больно дернули — что только подстегнуло мой голод, заставило прижать Илву сильнее, до тихого стога, до приоткрытых губ, позволивших мне ворваться языком в податливый жаркий рот.

Это безумие длилось всего мгновение, пока колени Илвы не подкосились, и стоило только отступить, как она отшатнулась назад, смотря на меня потемневшими, мутными глазами.

Она даже не успела сделать вдох, а я уже был за границей барьера. Видал, как Илва подалась вперед, но натолкнулась на гибкую стенку кокона. Подняла руки и ударила, что было сил, но защита ответила только слабой вспышкой и едва прогнулась.

Повернувшись лицом к стае, я облизнулся, собирая ускользящие крошки сладости, оставшиеся от поцелуя. Наверняка я получу увесистую оплеуху, но выражение лица малышки стоило того.

Волков было не меньше десятка. Взъерошенные, разъяренные и до

странности тощие. Шкура болталась, как мешок на ветке, шерсть вылезала клочьями, и кое-где были видны внушительные прорехи, обнажающие блестящие белоснежные кости. Колдовским золотом сверкали дикие глаза, в которых не колыхнулась даже тень разума.

Тварей натравили намеренно! Дело рук ведьмы, почувствовавшей чужаков в своих влечениях.

Волки бросились вперед одновременно, решив навалиться всей стаей.

Новый порез вспорол руку, обжег болью, а по снегу хлестнула алая кровавая плеть.

Короткий взмах — и щелчок пальцев поднял в небо стену обжигающего пламени, способного превратить кости в пыль. Врезавшись в ревущую преграду, трое животных свалились замертво. В абсолютной тишине.

Только жалобно хрустнул снег и что-то хлюпнуло, будто лопнул наполненный водой сосуд, когда желтые глаза хищников не выдержали жара.

Один из волков попытался зайти сбоку, но напоролся на наверхие посоха. Капля крови на синий камень — и ослепительная вспышка заставила нападавших взвыть и прижаться к земле.

Но только на несколько коротких секунд.

Серая тень метнулась под ноги, сбивая в снег, а через мгновение в нос ударил отвратительный сладковатый смрад гниющей плоти. Перед лицом клацнули внушительные клыки, а мощные лапы вдавили в землю с такой силой, что затрещали кости.

Окровавленной ладонью впившись в мощную шею зверя, я оставил на клочковатой шерсти внушительную подпалину. Увидел, как тлеют внутри позвонки.

Когда я умудрился спихнуть массивную тушу, то сверху навалились еще две твари, метя клыками в горло.

— Пошли во-о-н! — закричал кто-то рядом, и сталь обрушилась на шею ближайшего волка, отделяя голову от тела одним точным ударом. Второго сшибла зыбкая тень, рыча и скручивая врага черными плетями длинных волос.

Мимо пролетела оторванная волчья лапа, а елки задрожали от истощенного воя.

Золотой купол померк и дал Илве выбраться наружу!

Девчонка стояла, сжимая меч в дрожащих руках, а по бледному лицу катились крупные горошины слез.

А сзади к ней несся еще один волк.

— В сторону! — рявкнул я, а из руки вырвалась широкая огненная дуга, впечатывая оголодавшую тварь в снег. Обмотав огонь вокруг волка, я сжал кулак и услышал, как переломился позвоночник, а в стороны полетели ошметки паленой шерсти.

Оставшиеся звери завыли и отступили назад. Я моргнуть не успел, как они скрылись среди мощных еловых стволов.

Мы замерли посреди растаявшего снега, по щиколотку в топкой грязи. Воздух полнился запахами гари и гнилого мяса, такими густыми, что к горлу подкатила кислая тошнота.

— Фолки! — всхлипнула малышка и на дрожащих ногах подошла почти вплотную. Заглянула в глаза, будто выискивала там что-то. — Ты не ранен?

— Я же сказал сидеть под защитой, — пробормотал устало и почувствовал, что земля вот-вот уйдет из-под сапог. Перед глазами носились красные мушки, а мысли в голове путались. В изрезанной руке пульсировала тупая боль, раны никак не хотели затягиваться.

Слишком много потратил, дубина. Перепугался, что твари до малышки доберутся.

— Фолки?

Осев на землю, я привалился к ближайшему дереву.

Илва бухнулась на колени и коснулась моего лица. Каждое ее движение излучало какую-то дикую, животную панику, а тонкие пальчики, путавшиеся в моих волосах, дрожали.

Глаза закрывались сами собой, веки налились невыносимой тяжестью.

— Фолки, что мне сделать?! Что мне делать?!

Ответить я не успел, провалившись в болезненный, голодный сон.

Илва

Русалка подхватила Фолки, поддержала под пояс и потащила куда-то к деревьям.

— Что ты делаешь?! — мой голос сорвался на истеричный писк, но девушка не ответила. Только голову повернула и указала взглядом во тьму чащи. — Ты знаешь, где здесь можно укрыться?

Русалка коротко кивнула и, перехватив мужчину удобнее, зашагала

дальше. Фолки едва переставлял ноги, стонал и пытался отстраниться, но девушка держала крепко — из ее стальной хватки не выбрался бы даже здоровый человек.

Под ногами захлюпало и запищало. Что-то вцепилось в голенище сапога, а я, бросив взгляд вниз, с отвращением рубанула клинком по кроваво-красному комку, противно визжащему, пытавшемуся оплести ногу и подняться выше.

Писк раздавался со всех сторон. Земля под ногами заходила ходуном, вспучилась, потянулась к живому человеческому теплу скользкими щупальцами. Живокорень не мог остаться в стороне, когда тут творилась такая огненная вакханалия!

Отскочив в сторону, я бросилась следом за русалкой, побоявшись отстать, потеряться в темени колдовского леса.

Снег под ногами проваливался, скрипел и хрустел; горло обжигал пронзительных холод, а легкие распирало до колкой боли, все в груди стягивалось от невыносимой муки. Глаза жгло от непрошенных слез, а на щеках оставались соленые дорожки.

Русалка остановилась и кивнула на скалу, нависшую над засыпанным снегом пяточком.

Рыкнув, девушка передала Фолки мне. Маг оказался настолько тяжелым, что под его весом я боялась уйти в снег по пояс. И меня до ужаса пугал холод, исходящий от его тела. Словно ледышку в руках держала.

Что, если он тут умрет?

— Ты только держись, хорошо? — шептала я бездумно, со свистом вытягивая колкий холод через стиснутые зубы. — Не оставляй меня здесь одну.

Будто вся наша история пошла по второму кругу.

Я снова в лесу — одинокая и потерянная, но в этот раз рядом не было доброго ворона, который вывел бы меня из чащи. Был только измученный мужчина, который нуждался в моей помощи, а я совсем не знала, что делать. И спросить не у кого.

Русалка вернулась с пушистыми еловыми ветками. В несколько движений она размела небольшую площадку, освободив землю от снега. Подхватив Фолки, она уложила его туда, прислонив спиной к скале, и соорудила из веток что-то вроде защитных стен, скрывая мага от ветра.

Девушка указала острым когтем на рот, а затем на лес и снова

скрылась среди теней.

Стянув плащ, я попыталась укутать мага, чтобы хоть как-то его согреть, а сама совершенно ничего не чувствовала, будто и не зима вокруг.

Фолки приоткрыл глаза и обжег меня тягучим золотом своих радужек.

Раздумывая всего секунду, я приподняла плащ, перекинула ногу через неподвижное тело и уместилась на бедрах мага, накрывая нас обоих тканью и мехом. Притянула его к себе, оплела руками, сжала изо всех своих сил, только бы отдать те крохи тепла, что еще были во мне.

Фолки тихо всхлипнул и что-то прошептал.

— Что?

— Не... надо...

— Ты же холодный, как лед! — я облизнула губы, чувствуя на языке соль слез. — Прости меня, я не знала, что так выйдет.

— Я сделаю тебе... больно, — пробормотал Фолки. — Если ты сейчас же не уйдешь.

Его пальцы запутались в моих волосах, сжали затылок, будто в страхе, что я сейчас брошусь бежать, теряя сапоги.

Острые крылья его носа затрепетали, как у хищника, учуявшего что-то очень соблазнительное, а кончики обнажившихся клыков вызывали во мне дрожь.

Но не страх.

— Если я хоть как-то могу помочь...

Мужчина вздрогнул и так сильно сжал зубы, что мне казалось — я сейчас услышу треск. В золотых глазах плескалась мука и борьба, нестерпимый голод, от которого по спине побежали мурашки.

Резко притянув меня к себе, он прихватил зубами кожу у основания шеи, но не кусал — только чуть царапнул клыком.

В голове будто что-то щелкнуло. Кусочки головоломки встали на положенные места.

Если маги творят чары собственной кровью, то и восстанавливать их должны кровью, да?

Им подходит любая кровь или особая?

И не потому ли маг предложил мне такую странную сделку?

Дернув ворот рубашки, я услышала треск и тихое утробное рычание Фолки. Он сжал меня в кольце крепких рук и притянул ближе.

Было в этом жесте что-то животное, собственническое и дикое, отчего кровь превратилась в обжигающий бурлящий поток. Под ладонями чувствовалась крупная дрожь его тела, будто мужчина сдерживал зверя в узде из последних сил.

Обхватив его лицо руками, я заглянула в помутневшие глаза.

— Я тебе доверяю, — прошептала, касаясь холодных губ. — Бери столько, сколько нужно.

Фолки

Перед глазами плясали разноцветные круги, кроваво-красные мошки и черные пятна. Запах девчонки сводил меня с ума: терпкая мята и сладкая спелая черника.

Припав губами к бархатистой коже, я не мог надышаться ее ароматом, прижимал ближе, впивался пальцами в стройные бедра, затянутые в тугую ткань штанов. Илва дрожала и тихо всхлипывала, цеплялась дрожащими пальцами за мои плечи. Доверчиво уткнувшись лбом в мой лоб, она закрыла глаза, отдавая всю возможную власть в мои руки, отчего меня прямо подкинуло на месте.

Это было даже слаще простого обладания.

Чувство, что кто-то, пусть только на миг, вверяет тебе свою жизнь, всю свою суть до последней капли, пьянило, завораживало и толкало в пропасть раскаленного безумия, от которого кружилась голова и кипела кровь.

Сдавив руками упругие ягодицы, я потянул Илву на себя, поймал губами жаркий вздох, скользнул языком в рот и прикусил в запале нижнюю пухлую губу, но девчонка этого будто не заметила. Ее робкий, неуверенный ответ и мягкое поглаживание по плечам сказали мне больше, чем могли бы сказать слова.

Между нами не осталось ни одного свободного дюйма, только ткань одежды, но даже через нее я ощущал, какая девчонка горячая. Скользнув рукой по нежному горлу, я очертил кончиками пальцев едва заметный узор спрятанных под кожей вен, накрыл ладонью упругую грудь — идеальную, созданную для меня.

— Ничего не бойся, — прошептал я и коснулся крохотных пуговичек на штанах малышки.

Она замерла. Руки уже не гладили меня, а застыли, как испуганные птицы, а в зеленых глазах всколыхнулась темнота и страх, от которого защемило сердце.

Не давая ей опомниться, я с легкостью преодолел преграду и коснулся белья. Почувствовав пальцами, какая Илва влажная, я чуть не рехнулся, на последнем издыхании удерживая собственный голод на поводке.

— Девочка моя, — выдохнул я и набросился на податливый рот, сменяя его жестким поцелуем.

Она зажималась всего мгновение, прежде чем со стоном сдаться.

Кровь под ее кожей забурлила — я чувствовал аромат исходящей от нее силы, мощи, которая могла бы разорвать это нежное тело на части. Илва обхватила меня руками за шею, прижалась так тесно, что было невозможно вздохнуть. Каждый мускул в ее теле натянулся, завибрировал в ожидании скорого освобождения.

Лаская ее пальцами, постепенно наращивая темп, я жадно впитывал каждый ее стон, слизывал слезы, скользящие по покрасневшимся щекам.

Когда Илва вскрикнула, содрогаясь всем телом, клыки прокусили тонкую кожу и кровь хлынула в рот. Девчонка даже не пыталась вырваться, только прижалась теснее, оглаживая мою голову руками. Горячий поток ворвался в меня концентрированной силой, развернулся в груди огненным цветком, а через секунду я почувствовал, как острые коготки малышки оставляют на спине глубокие царапины.

Всего несколько глотков.

Нельзя брать больше — она не готова к этому!

С трудом оторвавшись, я лизнул место укуса, нашептывая простенькое заклинание исцеления, собирая последние капли и наблюдая, как затягиваются крохотные ранки.

— Прости, — шепнул я поспешно. — Илва, больно?

Все-таки я даже не объяснил, почему все это делал. Илва решит еще, что я извращенец какой-то, который только и думает, как запустить девушке руку в штаны и куснуть за шею.

“Не волнуйся, — хохотнул ехидный внутренний голосок. — Она и так думает, что ты извращенец, мистер Услуга-за-тело”.

Илва посмотрела на меня, и я со страхом ждал, когда хрупкая ладошка впечатается в мое лицо, но малышка не торопилась. Рассматривала меня с любопытством и каким-то затаенным, голодным огнем.

А потом заметила, что моя одежда покрылась крохотными

язычками пламени. Они не жгли и не обугливали плотную ткань. Просто танцевали какой-то свой незатейливый танец.

Несколько золотисто-алых искр перепрыгнули на руки девчонки, которыми она все еще держалась за мои плечи, пробежали вверх, до сгиба локтя, вызвав удивленный вскрик. Зеленые глаза округлились, хлопнули пушистые вееры ресниц.

Поспешно вытащив руку из ее штанов и вернув пуговицы на положенное место, я все еще ждал гнева Илвы, но малышка была слишком заморожена пламенем, чтобы заметить что-то. Казалось, что даже раздены я ее прямо здесь и сейчас — не вздрогнула бы.

Она поддела пальчиком капельку крови, оставшуюся на моей нижней губе, и наблюдала, как огоньки весело набросились на угощение.

— Так вот зачем тебе мое тело, — пробормотала она смущенно и понизила голос до заговорщицкого шепота: — Для магических штучек!

Не сдержав хриплый смешок, я прижал девушку к груди и запустил ладонь в белоснежные кудри.

— Можно и так сказать.

Илва

Мне бы сорваться прочь и бежать, но я не могла оторвать взгляд от накрывшего мага огня. Под плащом даже стало жарко, но я не хотела вставать и возвращаться в объятия темной зимы, а Фолки изловчился и ухватил одну из мохнатых веток, не позволяя мне сдвинуться ни на дюйм.

— А тебе можно их поджигать? — я взволнованно завопилась, но маг только прижал меня ближе свободной рукой и привычно улыбнулся.

— Почему нет?

— Ты только что был, как ледышка. Может, не стоит?

— Переживаешь? — От озорного блеска колдовских глаз стало еще жарче. — Мы должны развести огонь. Волки могут вернуться, и лучше встретить их ярким пламенем.

— И все маги пьют кровь, чтобы восстановить силы?

Фолки помрачнел.

— Это самый быстрый способ. За это нас и недолюбливают, — он сверкнул клыками, и улыбка эта, как никогда, напоминала хищный оскал. — Людям тяжело видеть, насколько их племя близко к диким

животным.

Темные брови сошлись к переносице, отчего между ними появилась упрямая складка. Я подумала, что совсем-совсем его не знаю, а хочется задать столько вопросов...

Хотя бы сколько ему лет, где Фолки бывал, что видел?

Сколько дорог исходил и каких чудес успел натворить?

Теплая ладонь взъерошила волосы на моем затылке.

— Мне тридцать пять, я родом из бывшего королевства Эронгары, что сейчас называется Кидонией. Самоучка, раздолбай и неплохой лекарь, а бывал я везде, куда ни ткни на карте.

— Вот это да! — у меня вырвался восхищенный вздох.

Фолки чуть сместился и, сложив ветки домиком, капнул на них несколько капель крови. В воздухе затрещало и заискрило, в небо повалил густой дым, и запахло терпкой смолой.

— Обычно я нигде надолго не задерживался, — продолжил он, оплетая меня руками. Странно, но мне было уютно вот так сидеть, когда маг пропускал через пальцы пряди моих волос и тихо говорил. Голос у него низкий, тягучий, с хрипотцой. Созданный для разговоров. — Не складывалось у меня с оседлой жизнью. Мир звал меня, а я ему с радостью отвечал.

— Значит, когда вернемся в город, ты надолго не удержишься?

В груди кольнуло от незнакомой мне тоски. Фолки — первый человек, кто не прогнал, а выслушал — что уже было немало.

Стоило людям узнать про ведьмин лес, как они либо крутили пальцем у виска, либо смеялись. Кто-то и вовсе гнал прочь с криками, чтобы не смела вслух поминать проклятое место.

Что братец мой мертв давно, а волки обглодали его кости.

Разумеется, у мага был корыстный интерес, и, скорее всего, он бы даже не почесался, если бы я не обладала “особой кровью”.

Но разве не слишком рискованно соваться в логово дикого зверя просто из-за возможности “напиться”? Он, конечно, хотел вернуть свои силы — об этом я не забывала.

Но мало ли иных способов? Стоит ли так рисковать, соглашаясь брать с собой неумелую абузу?

При мысли о других, кого Фолки мог бы точно так же ласкать и “пить”, я невольно вздрогнула.

— У меня своя дорога, — он посмотрел на меня как-то странно,

будто и не видел вовсе, а думал о чем-то своем. — Или у тебя есть другие предложения?

— Ну... я подумала... — Будь проклят мой дрожащий голос! — В городе нет хорошего лекаря. Может быть, ты смог бы...

— Любите вы, женщины, все усложнять! — хохотнул маг. — Просто скажи: Фолки, у меня от тебя кукушка едет. Может, потрешься еще рядышком, узнаем друг друга получше.

— Ничего подобного!

— Конечно нет! И штанишки у тебя от возмущения промокли, а не потому, что я такой шикарный.

— Отпусти немедленно! — зашипела я, но Фолки только рассмеялся и прижал теснее, заставив меня отчетливо почувствовать его возбуждение. Замерев, я совершенно растерялась, не понимая, что делать дальше.

— Раз ты такая трусиха, то я скажу: Илва, у меня от тебя кукушка едет.

Смущенно заворчав, я уткнулась носом в шею мага и затихла, наслаждаясь исходящим от него теплом.

— Врешь ты все.

Рядом что-то хрупнуло, и к костру вывалилась всклокоченная русалка, держа в зубах увесистого зайца. Бросив добычу в подтаявший снег, она тихо рыкнула и кивнула магу.

— Тебе виднее, — хмыкнул маг и быстренько поменялся со мной местами, укутывая в теплый плащ. Сам он уже и не замечал холода вокруг, а в свете костра темный мир перестал казаться таким уж темным.

Потрепав русалку по голове, Фолки получил в ответ утробное рычание, тихо рассмеялся и занялся мясом. Девушка же подошла ко мне и скрутилась клубочком у моих ног, как какая-то домашняя собака. Черные волосы разметались по земле, но волшебное существо тихо посапывало, то и дело обнимая мои коленки.

Я же натянула плащ на голову и скрылась под ним целиком, только сейчас в полной мере осознав всю суть нашего разговора.

Отец бы от меня отказался. Не так он воспитывал единственную дочь, чтобы она, как гулящая кошка, терлась о совершенно незнакомого мужчину! И ведь стонала еще, как последняя...

Закусив губу, я украдкой поглядывала на мага.

Я и правда хотела предложить ему остаться? Это так по-детски, честное слово, а ведь я давно не ребенок! Что за глупости только в голову полезли? Растаяла, как дурочка, чушь всякую несусь, а ведь он мне совершенно чужой!

Не мой он. Вон, гляньте только, как хорошо кровь действует. Румянец на скулах появился, холод совсем кусаться перестал, по черным волосам искры радужные бегают. Я хоть и сомневалась, но теперь понимаю, что уж для мага такой источник силы — лакомый кусок. Кто от такого откажется, особенно когда он сам в руки идет, помощи просит?

Ну и ладно. Если эта сила поможет вернуть брата, то пусть берет, сколько нужно. Хоть все, до последней капли! Не жалко.

— Прекрати, — Фолки встал в полный рост, скрестил руки на груди и пристально наблюдал, как поджаривается освежеванная тушка. — Я не буду отрицать: я хочу получить твою силу и я хочу тебя. Да, я мог бы просто согласиться помочь, ведь нам все равно по пути. Да, твой брат не сильно меня заботит, потому что я не верю, что его еще можно вернуть к людям. Не перебивай! — рявкнул он, будто почувствовал, что я собираюсь возражать. — Но и монстра из меня делать не нужно, Илва. Я бы мог выпить тебя досуха прямо здесь и сейчас, но не сделал этого. Я бы мог стукнуть тебя по голове, забрать награду, попользоваться твоим прелестным телом и бросить в лесу волкам, но не сделал этого. Ты имеешь полное право не доверять мне. Во имя мрака, конечно, имеешь — мы всего пару дней как знакомы! Но советую смотреть на поступки, а не фантазировать о том, что я мог бы сделать.

Капли жира скатились по мясу и упали в костер, зашипели на красных угольках. Вокруг повисла просто оглушительная тишина, даже ветер стих и не раскачивал тяжелые ветви елей.

— Прости, я...

— Тише, — шикнул Фолки. — Мы здесь не одни.

Я вся сжалась, схватилась за рукоять клинка, пристегнутого к поясу. Русалка, до этого мирно спавшая у моих ног, встрепенулась и угрожающе зарычала.

— Волки?

Маг только головой качнул. Мне показалось, что ночная мгла леса превратилась в какую-то вязкую патоку, готовую проглотить незваных

гостей в любой момент. На самой границе между светом и тьмой хрустнул снег.

От черной стены деревьев отделилась зыбкая тень, а я зажала рот рукой, не в силах сдержать удивленный вскрик.

Прямо напротив, сверкая зелеными глазами, застыл мой брат.

Фолки

Я мог даже не смотреть на Илву, чтобы понять, кто передо мной. Очевидное сходство, его не спрячешь.

Молодой парень выглядел совершенно спокойным, даже умиротворенным. Одетый в легкую белую рубашу и плотные охотничьи штаны, он стоял в снегу босой, но не дрожал от холода, а снег, казалось, вовсе не касался его стоп. Тягучая зелень глаз была подернута тусклой серой дымкой, в которой легко угадывались ведьмины чары: древние и крепкие.

Куда крепче, чем любые чары, какие я мог создать или разрушить.

Парнишка вымахал будь здоров, широкоплечим и крепким. И судя по тому, как он держался — лес этот был ему родным домом, где все подчинялось его воле и воле его госпожи.

В груди заклокотал болезненный жар, будто кто-то протянул когтистую лапу и запустил ее под ребра, к сердцу.

Красным угольком вспыхнула мысль, что ни человек, ни зверь не смогут освободить мальчика от бремени. Разве что смерть самой ведьмы сможет разрушить связь, формировавшуюся долгие десять лет.

— Альва! — малышка бросилась к брату, но я ухватил ее за ворот рубашки и оттянул назад, как нерадивого котенка, решившего сигануть с обрыва. — Пусти меня, ну! — взвизгнула Илва, но моя хватка не позволила ей вырваться.

Дурочка! Ты что, ничего не видишь?

Мальчишка раскрыл рот, и слова полились сами собой. Он не шевелил губами, и в темном провале рта я не видел языка, да и речь явно была не его.

Голос отдавал мертвенной холодностью глубокой старости и усталости.

И принадлежал он женщине.

— Уходите прочь из моего леса.

Илва перестала биться, застыла и прислушалась. Ее взгляд блуждал по лицу мальчишки в поисках хотя бы капли узнавания, весь ее вид

кричал: я пришла спасти тебя!

Но ответом ей был только потусторонний рокот, разносившийся из глотки Альвы.

— Мы пришли за мальчиком.

— Суженый не может уйти. В тебе колдовской дар, ты знаешь.

— Верни мне брата! — Илва встрепенулась, забилась в бессмысленной попытке вырваться из моих рук. В какой-то момент я даже испугался, что она покалечится — девчонка разозлилась не на шутку и рвалась прочь, желая хотя бы прикоснуться к посланнику ведьмы.

— Оставила ты его раньше, дитя. Оставь и сейчас.

Эти слова больно резанули Илву. Так больно, что она даже перестала вырываться, обмякла вся и сжалась, словно ожидая удара.

— Я не хотела... — зашептала она, дрожащая и жалкая, совсем еще ребенок рядом с мраком и чудовищной силой лесной хозяйки. — Я не хотела! Ты отняла его у меня, отняла у отца! Ты отняла мою жизнь, которую я прожила взаперти. Верни мне брата, ведьма, или, клянусь светлыми богинями, я заберу его силой!

На секунду стало совсем тихо, а потом снежная крупа задрожала на мохнатых ветках от хохота, раскатами доносившегося со всех сторон.

— Говорят вам: не ходите в ведьмин лес, но дети всегда умнее! Так чья в том вина, что попала ты с братом в сети? Ведьма или нет, но я нуждаюсь в любви и заботе ничуть не меньше вас, смертных. И Альва прекрасно с этим справляется.

— Ты держишь его силой! Разве это честно?

— Силой, говоришь? Тогда попроси его уйти с тобой, дитя, и посмотрим, кто ему на самом деле дорог.

— Она врет, Илва, — прошептал я. — Она никогда не позволит ему говорить свободно.

— Зря ты сюда пришел, огнекровный, — гроыхнуло над головой. — Не выйти вам из леса, не нарушить мой покой.

Мальчишка закрыл рот — и все стихло. Еще несколько секунд он пристально рассматривал Илву, а потом просто пропал. Разлетелся в стороны крохотными черными хлопьями, будто кто-то пригоршню пепла в воздух подбросил.

— Я его верну, — шептала девчонка. — Я верну Альву домой.

— Илва, я не смогу разрушить чары такой силы.

— Тогда проваливай! — вдруг крикнула она и рванулась с такой силой, что я, не ожидая подвоха, невольно ослабил хватку и выпустил девчонку из рук. — Я сама его спасу.

— Илва, не дури, — попытавшись ухватить ее за край взметнувшегося плаща, я чуть не попал под широкую дугу, прочерченную в воздухе мечом. Малышка была разозлена не на шутку, пенилась, как бочка пива, и сверкала глазами так яростно, что я понял одно: живой она не дастся.

— Я убью ее! Это уж точно должно освободить Альву.

— Это безумие!

— Ты не можешь разрушить чары. Мы еще и половину пути не прошли, а ты уже вынес приговор!

Да чтоб тебя!

— Я ничего не пытаюсь скрыть, пойми! Твой брат — ее послушная игрушка, прошло слишком много времени. Да услышь же меня, наконец!

Схватив ее за шиворот, я вырвал из рук девчонки меч и отшвырнул его к костру. Илва забилась, как раненая волчица, но в этот раз я был начеку и не позволил ей слишком размахивать руками, скрутив тонкие запястья за спиной.

Вскоре яростные крики и брань превратились в сдавленные рыдания, а еще через минуту поток слез мог бы снести стену елок, снежные заносы и половину мира.

— П-прости меня! — выла Илва и рвалась вперед, даже не замечая, что может вот-вот вывихнуть себе руки. — Я так в-виновата!

Развернув ее к себе лицом, я встряхнул девчонку и, размахнувшись, отвесил ей пощечину. Хлопок вышел оглушительным, но истерику как ножом отрезало. Илва замерла, бессмысленно уставившись в пустоту, и только изредко моргала.

Подцепив ее подбородок, я дернул вверх, фокусируя ее взгляд на себе.

— Вместе пойдем, слышишь? И не смей убегать.

— Я не вернусь домой без брата, — бросила она холодно.

Безразлично, словно кукла, которую заставили говорить против ее воли. Зеленые глаза совсем потеряли прежний блеск, и в них больше не было ни капли симпатии или любопытства. Выгорело все, выцвело в один момент.

— А я не вернусь в город без тебя, — слова сорвались с языка быстрее, чем я успел их обдумать, но какого хрена тут обдумывать, скажите на милость? Я и правда не собирался отступать. — Вот такие пироги, малышка.

Илва

Одна короткая встреча вывернула меня наизнанку. Я думала, что буду готова, что смогу вытерпеть все, что угодно, но мимолетный взгляд Альвы разорвал меня на мелкие кусочки, подкинул в небо и сжег, развеял по ветру.

Уничтожил меня.

И этот голос...

Голос ведьмы, которым говорил Альва. Мой милый Альва! Как же спасти его, как вырвать из когтей проклятой твари?! Это все я виновата. Я виновата! Прости меня, братишка, прости меня!

Фолки не позволил мне идти глубже в лес, отчего я только сильнее злилась и нервничала. Он почти силой заставил меня есть и сидел рядом мрачнее тучи, глаз золотых не отводил. Смотрел так пристально, что становилось неловко, а в душе кипел стыд и гнев.

Русалка рвала мясо острыми зубами и глотала не жуя, кости она аккуратно складывала в кучку рядом. Беспечное создание, что ни говори. Никаких сомнений, тревог и горестей. Хотелось быть такой же, как она. Ничего не чувствовать, избавиться от щемящей тоски и страха, поселившихся в сердце.

Как я смогу жить, если не спасу брата?

Как буду ходить на могилу к отцу, как буду просыпаться по утрам, зная, что братишка остался здесь, возле чудовища?

Все казалось таким простым и понятным!

Найти помощь, пройти по скрытой магией тропе, добраться до домика ведьмы. Что может быть проще?

И что могло пойти не так?

Все! Все пошло не так!

Горло сдавило так сильно, что я не могла бороться с накатившей болью и слезами. Но совсем-совсем не хотелось снова разреветься при Фолки, иначе он точно посчитает меня слабачкой. Еще идти дальше откажется, чего доброго, а мне без его помощи совсем туго придется!

— Подойти к себе ведьма не даст, — говорил маг. — Но то, что волки не вернулись за нами — любопытно. Ведьма на что-то тратит

много сил... — он запнулся на полуслове, как-то странно дернулся и отвел взгляд, будто знал, что именно происходит, но предпочел промолчать. Откашлявшись, Фолки заговорил снова. — Может быть... она и барьер вокруг поляны не сможет удержать, раз волков не подняла в погоню за нами.

— В чем может быть причина? Раньше же ей хватало могущества.

Маг как-то странно на меня посмотрел.

— Не могу сказать наверняка, но есть шанс, что...

— Мы можем убить ее!

Фолки раздраженно закатил глаза.

— Умерь пыл, малышка. Ты думаешь, что ее дом никто не охраняет? А твой брат?

Уткнувшись лбом в колени, я всеми силами избегала взгляда мага. Не хотелось видеть, каким уверенным он был, не хотелось смотреть на его лицо, где не мелькнула даже тень сомнения.

— Я могу отвлечь его, а ты ее убьешь.

Услышав короткий смешок, я невольно дернулась, точно меня огрели раскаленным кнутом.

— И чем ты собираешься его отвлекать? Плохими словами? Моя бы воля — и мы бы бежали отсюда, сверкая пятками, потому что мои силы ограничены возможностями моей крови, — Фолки коснулся моего плеча, но я не подняла голову. — Даже если я буду подпитываться от тебя, то этого может оказаться мало. Это не просто деревенская колдунья, которая варит летучих мышей в котле и делает привороты на жабах. Даже те ведьмы, что похищают и едят детей, — не такие. Тут особый случай.

— Можно подумать, что ты не знал этого, когда сюда шел!

Фолки тяжело вздохнул.

— Слушай, я — человек дороги и новых впечатлений. Где есть дело, туда я и направляюсь. Однажды я взялся выкосить стаю перевертышей просто за еду! Да, у меня есть личные причины наведаться к ведьме — ты о них теперь знаешь, но я совершенно не понимаю, как ты собралась бороться с существом, которое уже и не брат твой. Она от него десять лет подпитывается. Десять! Я не мог это предвидеть.

— Прежний Альва все еще где-то там, я точно знаю! Я смогу достучаться до него.

— А, хваленая сестринская любовь.

Вскочив с места, я упрямо топнула ногой и зашагала в сторону стены деревьев. Мы только зря время на разговоры теряем!

За спиной тихо зашипели угольки и зашуршал снег, зарычала русалка, двигаясь так же бесшумно, как и маг, только без всякой магии.

— Серьезно, ты собираешься расколдовать его силой любви?

— Ты что-то имеешь против? — я нырнула под мохнатую еловую ветку и чуть не провалилась по пояс в сугроб. Упрямо шагая вперед, я увидела, как над моей головой вспыхнул желтоватый шарик, освещающая дорогу.

— Ты знаешь, в мире точно не существуют три вещи: безопасные пирожки с грибами, единороги и сила любви. Пока ты будешь толкать душещипательную речь перед братом, он откусит тебе голову.

— Вот и проверим! — зло прошипела я, не поворачиваясь к мужчине.

Злоба и страх распирали меня, мутили рассудок настолько, что я даже не поняла, как слова сами слетели с языка:

— Ты просто не любил никогда — вот что! — я пнула ни в чем не повинную снежную крупу и, прищурившись, наблюдала, как она кружит над головой. — Что, если бы это была твоя сестра? Или жена? Ты бы тоже разбрасывался приговорами и делал поспешные выводы, а?!

Маг промолчал.

Ни шуточек, ни колких слов.

Ничего.

Он просто поравнялся со мной и пошел чуть впереди, так, чтобы я видела только затянутую плащом спину и светящееся навершие посоха.

То-то же! Если не знаешь, о чем говоришь, то и не начинай!

Впрочем, ликование длилось недолго.

В темноте снежного леса, где из-за магии ни один хруст не нарушал тишины и среди ветвей гулял только холодный ветер и свет далеких звезд, без привычной болтовни мага стало зябко, а через несколько минут — страшно.

Русалка не отставала ни на шаг, но не могла расколоть кокон жуткого молчания, окруживший нас.

— Ф-фолки? — позвала я, но мужчина сделал вид, что ничего не услышал.

Я точно знала, что он сделал вид!

Обиделся?..

Но ведь он должен меня понять! Разве есть хоть один человек в мире, который не пытался бы всеми силами спасти любимого, родного человека?

Разве можно даже помышлять об убийстве, когда нужно сражаться за любой, даже самый крошечный, шанс?!

Фолки будто ничего не понимал. Не видел, как сильно мне нужна хотя бы тень надежды, хотя бы несколько слов ободрения и утешения, и как заведенный талдычил одно и то же. Снова и снова повторял, что Альва, скорее всего, никогда не вернется к прежней жизни.

Я не верю! Не хочу верить...

Неужели все зря?

Я не смогу убить брата, не смогу отказаться от него!

Не смогу...

— Твой суд несправедлив, — вдруг сказал маг и бросил на меня пронзительный холодный взгляд.

Совсем как при первой встрече.

Тягучее колдовское золото потемнело и подернулось тонким ледком, и сейчас на меня смотрел отстраненный, уставший и глубоко измученный человек, в котором не осталось ни крошки смешливости и задора.

Только глубокая, старая печаль, присыпанная пылью прожитых лет и исхоженных дорог.

— Иногда подарить смерть — это благо. Это все, что мы можем предложить любимому человеку, чтобы спасти его.

— Всегда есть выход...

— Когда на твоих руках от проклятья умирает семилетняя девочка, захлебываясь кровью, не узнавая даже собственных родителей, то вот это, — он указал на прикрепленный к поясу кинжал, — единственный выход.

Я тяжело сглотнула.

— Но ведь...

— Мир совсем не такой, как ты думаешь. Из окошка папкиного дома он, может быть, чистый и красивый, как игрушка в стеклянном шаре, но на деле...

Фолки хмыкнул и передернул плечами.

— Надеюсь, ты никогда не узнаешь.

— Прости меня! — выпалила я и до боли сжала руки, впиваясь ногтями в ладони. — Я просто... не хочу. Не могу смириться!

— И жалишь любого, кто под руку подворачивается? — рыкнул мужчина через плечо. — Это плохая практика, малышка. У людей есть сердца, знаешь ли. Сердцам свойственно болеть и кровоточить, на них могут быть незажившие раны.

— Я не подумала...

Фолки повернулся, и его широкая улыбка не могла меня обмануть.

В ней читалась горечь.

— Как и всегда, правда?

Он остановился внезапно, будто уперся в невидимую стену. С губ сорвался тихий вздох, а стилет вспорол ладонь, разбрызгивая вокруг тяжелые красные капли.

Пахнуло жаром пустыни и влажной землей, тихо заскулила русалка, намертво вцепившись в мою руку, оставляя на коже глубокие царапины от когтей.

По невидимой преграде пламя растеклось жаркими волнами, обугливая препятствие, позволяя увидеть, что же там дальше, а в нос ударил странный сладковатый запах. Так могло пахнуть тухлое мясо или сгнившие фрукты.

Мужчина поднял руку, приказывая стоять на месте, и вышел вперед. Отодвинув несколько мохнатых веток елей, он бросил на меня предупреждающий взгляд и кивнул вдаль.

— Щит совсем слабенький. Подозрительно это все.

Я всмотрелась в темноту и задержала дыхание, жадно разглядывая крохотный домик, который крепко врезался в память и снился мне в кошмарах.

Долгие десять лет.

Фолки

Я смотрел на дом ведьмы и не чувствовал никакой силы поблизости, будто ведьма вообще давно ушла или умерла, оставив после себя лишь хижину.

Странно. Очень странно.

Хотя я догадывался, почему так произошло, только малышке ничего не сказал. Сам ведь объяснял ей, что происходит с ведьминскими избранниками, когда те входят в силу! Вот только когда волки не появились во второй раз, чтобы добить незваных гостей, — в голове

защелкало и все кусочки головоломки встали на положенные места.

Откуда дети берутся — не секрет, Илва могла бы догадаться, что здесь творится, но ее мысли были заняты братом — ей не до теорий и вопросов.

Я же прикинул, сколько лет Альве и как давно ведьма могла его пользоваться как личную постельную забаву.

И все остальные сроки прикинул тоже.

Разумеется, с первого раза чуда не случилось: ведьма — не человек. Тут нужно куда больше, чем просто желание родить ребенка. Нужна подготовка, ритуалы, особые заговоры.

Сила изменила ее, исковеркала тело и душу. Обычный маг оставался человеком до самой смерти. Те же, кто подарил себя мраку во обмен на могущество, — были чем угодно, но не людьми.

Что она могла породить от связи с обычным человеком — не хотелось думать.

Илве не обязательно знать...

Она такая хрупкая.

Тряхнув головой, я переключился на насущную проблему. Вы только гляньте — вот она, поляна! И никого вокруг: ни волков, ни других прихвостней. Даже ночные птицы не показывались, не подавали голос. По спине побежали холодные мурашки от одного только взгляда на пустое, засыпанное снегом крыльцо, изрисованные морозными узорами окна, покосившиеся ставни.

Дом казался нежилым, заброшенным, ветхим, и я видел, с каким недоверием его рассматривает Илва.

Это всего лишь видимость. Что-то там двигалось, за окнами. Что-то ходило по коридорам и рассматривало незваных гостей так пристально, что во рту пересохло от накатившей волны ужаса и отвращения.

Здесь даже пахло... неправильно. Не снегом и зимней стужей, а сладковатым духом разложения.

— Будто десять лет никого не было, — пробормотала малышка себе под нос.

— Не обольщайся, — прошептал я. — Мне это совсем не нравится. Тут пахнет одной большой ловушкой. И где-то поблизости может ошиваться твой братец.

Душераздирающий вой заставил меня содрогнуться всем телом, русалка рядом протяжно зашипела и прижалась к земле, ненавидяще

поглядывая на ведьмино жилище. Будь ее волосы короче — и они точно бы встали дыбом, как ежовые иголки.

Вокруг дома за клубился плотный кроваво-красный туман. Он потянулся вверх, к верхушкам деревьев, сметая на своем пути снег и хвою, оплел длинными щупальцами ветки, ломал их, как тонкие прутики.

— Что происходит?! — зашипела Илва.

— Кажется, что самое худшее, — я шагнул вперед, ступил аккуратно на край поляны, и в воздухе разлился противный громкий перезвон, будто тысячи колокольчиков решили устроить концерт одновременно. — Гадство!

Тихо скрипнула дверь дома, жалобно застонали доски крохотного крыльца.

Илва вся напряглась, сжалась, как пружина. Она вцепилась в мою руку и открыла рот, будто хотела что-то сказать, но слова так и не слетели с губ.

Прямо в снег с крыльца сошел Альва и посмотрел на нас. Он ни секунды не сомневался в том, где спрятались незваные гости.

— Фолки, позволь мне поговорить с ним! — отчаянно прошептала малышка, а я подумал, не рехнулась ли она окончательно.

“Поговорить” с прихвостнем ведьмы?!

“Поговорить”?

Тут надо брать оружие и молиться, чтобы хватило сил спастись!

— Фолки, я умоляю, — бормотала Илва. — Я смогу до него достучаться: все еще где-то там есть мой маленький брат!

— Это самоубийство, я не могу позволить...

Илва ухватила меня за плечо и, привстав на цыпочки, коснулась моих губ болезненно-жарким поцелуем. Столько было боли и мольбы в этой незатейливой ласке, что я не смог вымолвить ни слова.

— Прошу. — В зеленых глазах вспыхивали золотистые огоньки.

Так, наверное, могли бы выглядеть искорки последней надежды.

— Если он хотя бы дернется в твою сторону, — прорычал я. — Сожгу не задумываясь.

Девчонка качнула головой и вышла на поляну, встала передо мной так, чтобы закрыть собой от Альвы.

Или наоборот — пыталась спрятать от меня брата, подставив спину.

Все это казалось неправильным, смертельно опасным! Я должен был просто одним ударом оборвать его жизнь, освободить от связи с ведьмой, потому что совершенно не верил, что эта хрупкая девочка может достучаться до запертого на замок разума, скрытого пеленой дурмана.

И оставить ее я не мог, хотя цель моего путешествия была здесь.

В доме.

Я чувствовал, как там горит тусклый огонек силы: запертой, вероломно отнятой у меня.

Я мог бы броситься в обход, пока Альва будет занят сестрой. Разве я не для этого сюда пришел? Не для того, чтобы забрать свое и сделать ноги? Кто эта девочка мне? Чужая.

Да, ее кровь — невероятна. Она будто создана для меня, но если мы не спасем ее брата, то тонкая ниточка доверия между нами натянется и порвется.

И в хваленую сестринскую любовь не верю.

Но я не мог сдвинуться с места — только наблюдал как замороженный за каждым движением малышки. Каждый мускул дрожал от напряжения, а когда девчонка чуть не упала, едва переставляя ноги по глубокому снегу, я рефлекторно дернулся вперед, собираясь подхватить ее.

Ты спекся, маг. Куда ты собрался убежать?

Уже поздно, ты не сможешь уйти. Ты прочно в эту мелкую влип.

Посмотри на нее... посмотри внимательно.

Шаг. Хруст. Илва провалилась в снег, но подняла руку и молча приказала мне стоять на месте. Это ее война, ее последний шанс поговорить с братом, а у меня внутри все в узлы сворачивалось от волнения.

За спиной зарычало и захрупало. Русалка обогнала меня и пыталась держаться поближе к Илве. Она встала в полный рост, втянула носом воздух и крутила головой, переводя взгляд с малышки на ее брата и обратно. Ее смущали почти одинаковые запахи, и волшебное создание никак не могло понять, что здесь вообще происходит.

— Альва! — голос малышки дрожал от слез, губы тряслись и ломали слова, а в груди все натянулось, как струны какого-то музыкального инструмента, завибрировало от накатившего страха. — Это же я, ты не помнишь?

Он убьет ее.

Совершенно точно убьет...

Альва склонил голову набок, прислушался. Понимал ли он, о чем говорит Илва? Или просто выжидал момент для атаки?

— Альва, пожалуйста! Разве ты не узнаешь меня? Помнишь, как мы сбегали из дома в город, чтобы посмотреть на настоящий цирк? Ты еще забрался в клетку к снежным белкам, украв перед этим пучок морковки. А как мы играли на замерзшем озере и наблюдали вечерами, как подо льдом танцуют разноцветные вирты? Помнишь? Мы загадывали желания, наблюдая, как весной начинается красный звездопад! Ты хотел однажды уехать в большой город и магии научиться!

Илва переминалась с ноги на ногу, комкала в руках край плаща.

Шажок вперед. Совсем маленький, неуверенный, будто она собиралась коснуться брата.

— Илва...

Я замер с раскрытым ртом, когда увидел, что парень смотрит на малышку совершенно осмысленно. Темный туман в его глазах растворился, уступив место влажному блеску яркой лиственной зелени.

— Я ведь уже всему научился.

Рванув вперед, я полоснул клинком по руке, а красная пелена ужаса застелила глаза.

Снег под сапогами девчонки поднялся в воздух, будто кто-то ударил по нему невидимой плетью. Малышка пошатнулась, судорожно дернулась, подняв руку к груди, а когда неверяще посмотрела на собственные пальцы — те были красными от крови.

Колени Илвы подкосились, и она рухнула в снег.

Илва

Удар был таким неожиданным, что я не смогла ничего сделать. Даже отступить не успела, когда невидимое лезвие полоснуло по коже, рассекая рубашку на груди. От страха ноги подкосились, и я рухнула, как срезанный косой стебель, лицом прямо в пухлую холодную крупу. Над головой пронеслась широкая огненная дуга, а русалка, протяжно завыв, бросилась на Альву, выпустив острые когти.

Сердце стучало тяжело и болезненно, в голове мутилось и плыло, а дыхание тяжелыми рывками вылетало изо рта и поднималось в небо рваными белыми облачками.

Звяк!

Над головой зазвенело, что-то дернуло за шиворот и откинуло в сторону, как мусор какой-то, что под ногами мешается. Спину обдало жаром, и только через несколько секунд я, наконец, была в силах подняться.

Альва и Фолки сцепились, как озверевшие волки, почуявшие запах свежей крови. Посох ослепительно вспыхивал, хлестал лазурными и красными лентами, оставляя на снегу глубокие подпалины, превращая лед в воду, а твердую опору под ногами — в топкую грязь.

И дорога к дому осталась открытой!

Маг теснил брата в сторону кромки поляны, где белоснежность сталкивалась с чернотой исполинских деревьев. И Альва казался слишком поглощенным боем, совсем забывшим о том, что за ведьмой пришли двое, жаждущих ее уничтожения.

Русалка не в счет — она просто увязалась следом, а вот во мне и Фолки кипела самая настоящая жажда смерти и разрушения. Просто потому, что такое существо не имело права на жизнь! Оно отбирало то, что ему не принадлежало. И должно было вернуть это в полной мере.

Двинувшись в противоположную сторону, я постоянно оглядывалась и задерживала дыхание. Все боялась, что вот сейчас случится непоправимое: маг не совладеет с Альвой — и брат переключится на другую добычу.

Видит богиня, а мне нечего было ему противопоставить.

В груди колело нестерпимым холодом, все эмоции будто остались там, за деревьями, а впереди маячил огонек одной конкретной цели. Я чувствовала себя выхолощенной, вымороженной ледяным ветром куклой, что бредет навстречу своей судьбе, стискивая в руках бесполезный, по сути, меч.

Шаг. Хруп! Шаг. Хрясь!

У снежинок от каждого неловкого движения ломались позвоночники.

Вот и знакомое крылечко. Я бросила взгляд за спину, и внутри все сжалось от накатившего страха. Я нутром чувствовала, что Фолки теряет силы. Капля за каплей. И я никак не могла это остановить, потому что невозможно передать силу вот так запросто, по щелчку пальцев. Даже если мне очень этого хотелось.

Маг на меня даже не смотрел, слишком он был поглощен боем. На

спине Альвы болталась русалка, полосуюя его острыми когтями, но брат ничего не замечал, и я совсем-совсем не видела крови на его рубашке. Будто каждая, даже самая глубокая рана затягивалась за считанные мгновения.

Взмах руки — русалка отлетела назад и кубарем покатилась по земле, взметая вверх снежную крупу, но почти сразу же вскочила и снова понеслась в атаку.

Преодолев три скрипучие ступеньки, я коснулась двери, скользнула пальцами по дереву, но не находила ручки.

Острая боль прошла руку до самого запястья, а вокруг ладони обмотались полупрозрачные красные ленты, сотканые из вездесущего кровавого тумана. Они сдавили, пробрались под кожу тонкими раскаленными нитками, заставив меня тихо вскрикнуть. Опомившись, я стиснула зубы до хруста, и, преодолевая чары, попыталась толкнуть дверь — но тщетно. Она стояла как монолитная глыба, не позволяя войти. Рука предательски задрожала, каждая косточка завибрировала, будто могла вот-вот переломиться.

В голове все мысли перепутались и перекрутились, разлетелись, как кусочки льда, не позволяя себя собрать, выскальзывая из дрожащих рук.

Отступив на два шага, я попыталась толкнуть дверь, врезавшись в нее плечом, но снова ничего. Ничего!

Время ускользало, Фолки не сможет сдерживать Альву вечно, а брат совершенно точно разорвет меня на части, как только увидит рядом с домом.

Неужели маг оказался прав и в брате не осталось ничего человеческого?

Он меня узнал, но все равно напал. Даже слушать не стал!

Это ничего не меняет! Я должна освободить его, даже если это будет стоить мне жизни.

Ударив по двери кулаком, я подумала, что можно залезть через окно, но, будто почувствовав опасность, дом сам собой резко захлопнул все ставни. Послышались щелчки, потрескивание мороза — и через мгновение стены вокруг входа покрылись внушительными ледяными наростами. Ведьма замуровывала себя в тюрьме изо льда — только бы никто посторонний не проник внутрь.

От резкой боли в ладони я отдернула руку, оставляя на темном

дереве несколько капель крови. Дверь оцетинилась острыми щепками, как самый настоящий еж. Они вытягивались вперед, будто живые, подчиняясь воле ведьмы, отталкивали меня, заставляли отступить.

Но там, куда попала кровь, появились крохотные черные пятнышки, а в воздух поднялся едкий дымок, и пахло паленым.

Удивленно уставившись на руку, я медлила всего мгновение, прежде чем распороть плоть одним взмахом клинка.

Ладони, запястья... Широкие росчерки меча оставляли на коже алые ленты.

Тяжелые темно-красные капли срывались вниз с кончиков пальцев, пачкали белоснежный снег.

Взмах — и кровь окропила дверь, а из дома раздался протяжный громкий стон, будто кто-то корчился от боли. Там, куда я попала, появлялись новые и новые подпалины, лед расходился в стороны, нехотя открывая проход. Дверь закрипела, застонала, точно живая, но с места не сдвинулась.

— Давай же! — взвизгнула я и уперлась окровавленными ладонями, надавила, что было сил. В нос ударил запах паленой плоти, а руки будто вросли в дверь, запульсировали болезненным жаром, раскалились так, что я могла видеть проступающую под кожей сетку сосудов.

Опора пропала внезапно. Раз — и исчезла, словно и не было ничего.

Кубарем вкатившись в дом, я знатно приложила голову об угол массивной лестницы, ведущей на второй этаж.

Второй этаж?

Но снаружи домик выглядел совсем маленьким и явно был не выше одного этажа.

Я совсем не помнила его. За десять лет страх и отчаяние истончили все воспоминания, превратив их в пыль. Все детали стерлись, разбежались по самым дальним уголкам и затаились там, не вылезая на свет.

— Альва! — забулькало что-то справа.

Гостиная. Тонущая в тенях просторная комната, уставленная толстыми кроваво-красными свечами. Стискивая клинок в руке, я ощущала, что рукоять скользит по коже, влажной от крови, но совсем не

чувствовала боли в порезах. Все потеряло значение, кроме этого хриплого стона и запаха прокисших фруктов и прелого сена.

Быстрый взгляд от стены к стене.

Дыхание застряло где-то на полпути, и колючий ледяной ком распер грудь, заставляя хватать влажный воздух комнаты пересохшими губами.

Ведьма уставилась на меня тремя парами своих черных глаз и раскачивалась в паутиновой колыбели, зависнув в трех футах над полом. Ее бледное лицо, искаженное от муки и ненависти, покрыли мелкие разломы морщин, разбежавшихся от уголков рта по щекам. Черные волосы облепили лицо влажными тяжелыми лентами и струились до самого пола.

Стоило ведьме приподняться на своем ложе, как мой взгляд сам собой наткнулся на округлившийся массивный живот, прикрытый белой сорочкой. Но даже ткань не скрывала того, что там, под ней, двигается и извивается нечто.

Как клубок змей.

— Альва! — завывала ведьма, и от ее голоса несколько свечей в комнате погасли, а воздух стал таким холодным и колючим, что пробирал до самого доньшка.

Вскинув руку, я увидела, как забилась ведьма, пытаюсь увернуться от капель крови — но тщетно. Несколько попали на ложе, что-то упало прямо на бледную кожу.

Пол под ногами заходил ходуном, затрещал от силы нечеловеческого воя, вырвавшегося из глотки ведьмы.

— Огnekровная! — хрипела женщина. — Огnekровная сука, ты не выйдешь из этого дома!

Доски под ногами пошли трещинами, а от ведьмы в стороны разошлись щупальца непроницаемой мглы: дрожащие, блестящие от слизи. На коже появились черные разводы и рубцы, женщина забеспокоилась, заворочалась в своем паучьем гамаке, но не могла выбраться, чтобы добраться до врага самостоятельно.

Схватив одну из свечей, я швырнула ее в паутину, которая сразу же радостно вспыхнула и затрещала.

Нога провалилась в первый же открывшийся разлом. Казалось, что весь дом вот-вот провалится в бездну к демонам, где меня будут пытаться огнем и рвать мою душу на мелкие кусочки.

Ведьма билась и кричала, звала моего брата, но Альва все не появлялся.

В голову закралась пугающая мысль, что Фолки в этой битве преуспел.

Что, если он позабыл обещание и убил его?

Что, если все это напрасно?

Отвлекаясь всего на мгновение, я едва увернулась от летящего в лицо черного отростка. Второе щупальце умудрилось ухватить меня за щиколотку и поднять в воздух на добрых несколько футов. Бессмысленно размахивая мечом, я попыталась освободиться, но ведьма только пальцем повела и с размаху ударила меня о ближайшую стену.

Удары сыпались один за другим: об пол, потолок, столы с какими-то банками-склянками. Свечи падали на пол, а пламя подхватывало все, до чего могло дотянуться, но ведьма будто этого не замечала. Ее безумие растекалось по дому удушливой волной, забивало рот и нос, как болотная тина.

От удара об угол высокого стула перед глазами все поплыло. Уткнувшись лицом в доски, я чувствовала, как меня тащат назад, подтягивают поближе к ведьме, чтобы она смогла ухватить незваного гостя своими длинными ручищами и свернуть ему шею.

— Ты должна была уйти, — бормотала ведьма. — Зачем вернулась? Зачем лезешь? Альва мой, слышишь? Суженый не может уйти!

Приоткрыв глаза, я заметила в стороне какую-то склянку с черным дымом внутри. Из этого самого дыма на меня пристально смотрели желтые вороны глаза и беззвучно открывался мощный клюв, но из горла птицы не раздавалось ни звука.

“Господин ворон, помогите мне...”

Размахнувшись мечом изо всех оставшихся сил, я опустила лезвие на стекло и молилась, чтобы оно не было защищено какими-то особыми чарами.

Бахнуло оглушительно, будто над самым ухом рванули магическую хлопнушку, в стороны брызнули осколки, разлетелись птичьи перья.

Пронзительное “кар” огласило дом, и ворон бросился на ведьму без раздумий, дав мне несколько драгоценных секунд, чтобы отсечь щупальце и встать на ноги.

Только один удар!

Мне больше не нужно.

Выставив клинок перед собой, я рванула вперед, даже не целилась: просто понеслась, навалилась всем своим весом, прошивая насквозь ткань и плоть.

Что-то хрустнуло под ладонями, мир накрыл колпак липкой неестественной тишины, а через мгновение все утонуло в грохоте взрыва и плясках огня.

Фолки

Альва свалился мне под ноги и забился в конвульсиях, а в небо ударил ослепительный оранжевый свет. Прикрыв глаза, я не сразу понял, что хижина ведьмы превратилась в груды пылающих обломков.

И Илвы нигде не было.

— Сторожи! — рявкнул я русалке, указывая на неподвижное тело мальчишки, и побрел в сторону пылающих развалин. Вокруг закручивались огненные спирали и крохотные вихри, снег мгновенно превратился в пар и поднимался в темное небо.

Я не чувствовал жара, ступал тяжело и качался от каждого неосторожного шага. Одежда на руках пропиталась кровью, липла к коже, оставалась на посохе темными бурыми разводами, но я ничего вокруг не замечал, только пытался рассмотреть хоть что-то в этом ревушем аду.

— Илва! — заорал я, пытаясь перекричать пламя. — Илва, ты меня слышишь?!

Это неправильно. Не должна такая светлая душа так погибать! Не может единственная женщина, которая не относилась ко мне со страхом и презрением, вот так просто исчезнуть!

— Илва!

Обойдя пылающий дом по кругу, я сделал еще один надрез на запястье и создал вокруг защитный золотой кокон.

Первый шаг в огонь был самым сложным. В голове складывались самые жуткие картины того, что я мог там увидеть.

Шаг. Треск!

Доски разошлись под сапогами, рассыпались горячим пеплом. В центре грандиозного кратера, пылающего ада, созданного высвободившейся силой, осталась крохотная площадка, где в узелки скручивалась паутина и валялось изувеченное тело ведьмы. Из распоротого живота на дымящуюся землю вывалился клубок змей,

среди которых едва угадывался ребенок: деформированное создание, частично напоминающее паука, а частично — человека, которое не смогло бы выжить во время родов.

Возможно, ведьма давно свихнулась. Возможно, она знала, что ребенок обречен, но тратила все силы, чтобы поддерживать в умирающем плоде хоть какую-то жизнь. Защитить его, дотянуть до нужного момента.

Все-таки магические создания не слишком совместимы с людьми.

И суженый из людского племени теперь казался мне какой-то насмешкой судьбы, сыгравшей с ведьмой злую шутку.

И только это спасло нам жизнь. Илва выбрала самый подходящий момент для поиска брата, когда все силы колдуньи были направлены на спасение обреченного ребенка — у нее просто не хватило магического резерва, чтобы противостоять незванным гостям, а подпитка от Альвы убила бы его.

Возможно, ведьма даже любила мальчишку. По-своему.

Не стала осушать его, даже в своей безумной тяге защитить и спасти собственное дитя.

Чуть в стороне я заметил черный дымный кокон, и, осторожно приблизившись, задержал дыхание, рассматривая могучие крылья ворона, укрывающего разметавшуюся на земле Илву. Ее волосы сильно обгорели — остались только короткие белые прядки, все руки были в глубоких порезах и мелких царапинах, а на скуле наливался темнотой здоровенный синяк.

Ворон приподнял массивную голову и ткнулся в мою ладонь. Дым за клубился, поднялся над девчонкой, слился со мной, вошел в тело с воздухом, с каждым крошечным вдохом.

Внутри будто что-то щелкнуло, встал на место последний кусочек пазла, который я пытался сложить добрый десяток лет. Впервые за долгое время я будто снова стал... цельным. Самим собой.

Опустившись на колени возле Илвы, я осторожно коснулся пальцами ее лица, приподнял, чтобы прижать к себе, почувствовать, что девочка дышит, что она ворочается и пытается оттолкнуть меня.

— Малышка, это я, — прошептал и прижался губами к влажному от пота виску.

— Альва? — пробормотала она и приоткрыла глаза. Зеленые, лучистые и полные затаенного страха и теней.

Я не удержался от короткого смешка.

— Живой твой ненаглядный братец. Мордой в снегу на краю поляны валяется.

Мы вернулись на то самое место, откуда и начинали свое путешествие. Туда, где выйти из владений ведьмы было проще всего. Я не решился подпитываться от Илвы — слишком девочка была измучена и слаба, так что пришлось справляться своими силами, которых осталось разве что на два огненных плевка.

Альва так и не пришел в себя, хотя какая-то черная дрянь не останавливаясь текла из его глаз и рта. Со смертью ведьмы весь ее дурман стал бесполезен, и тело медленно, но верно избавлялось от него. Впрочем, я не мог сказать, когда парень очнется.

Мир за границей темного леса казался непривычно ярким, игрушечным и нереальным. Дом Илвы стоял такой же, каким мы его и оставили, разве что крыльцо так сильно замело снегом, что его было совсем не видно.

Русалка затащила Альву в дом и стала совсем по-человечески хлопотать по хозяйству. Растопила очаг, натаскала воды, а я согрел ее простым заклинанием.

Вымыв Альву, мы уложили его в постель и закутали в одеяло. Парнишку била крупная дрожь, а с губ срывался горячечный бред. Русалка не отходила от него далеко, а когда мальчишке стало совсем худо — забралась к нему и оплела руками и ногами, тихо мурлыкая и отдавая все свое тепло. Иногда я видел, как она бегала к очагу, следила за пламенем, а через час — скрылась в лесу.

Ушла охотиться.

Осторожно раздев Илву, я опустил ее в исходящую паром воду. Стянув куртку, я закатал рукава свитера и осмотрелся по сторонам. Взял брусок травяного мыла и принялся осторожно оттирать гарь, намылил опаленные волосы.

Представлял, как Илва будет жалеть свои чудесные локоны, но они отрастут снова.

Обязательно.

Порезы и царапины я залечил последними крошками силы. Синяк на скуле побледнел и вскоре растворился, но я почувствовал себя так опустошенно, будто день и ночь без остановки срачивал раздробленные

кости.

— Ты поправишься, вот увидишь, — бормотал я, осторожно обтирая хрупкое тело мягкой тряпкой. — Я поставлю тебя на ноги. Хочешь, останусь в городе, м? Сама же говорила, что тут нет приличного лекаря. Мы с тобой все преодолеем. И брата твоего выходим, а я покажу тебе все-все дороги, по которым успел пройти. Мы можем пойти, куда захочешь, ты только держись. Не оставляй меня, Илва, еще рано.

Девочка пошевелилась и приоткрыла глаза.

Наши взгляды встретились, и Илва дернулась, будто ее ударили. Поспешно прикрывая грудь ладонями, она сжалась в комочек и отвернулась.

— Илва, ты чего? — растерянно моргнув, я не сразу понял, какой смущающей была вся эта ситуация. В конце концов, я никогда не видел ее обнаженной, да и вообще — чужой человек для таких купаний...

Чужой человек...

Она неловко обернулась и нехотя подняла взгляд.

— Прости, я просто от неожиданности, — пролепетала малышка и потянулась к волосам. Не найдя привычных локонов, Илва замерла на месте, а потом в ее глазах вспыхнуло осознание: где она и почему она здесь. — Фолки... мы что, дома? Где Альва?!

— Тш-щ, успокойся, — я осторожно коснулся ее головы, поглаживая короткие прядки. — Он внизу, спит.

— С ним все хорошо?!

— Малышка, не сходи с ума! Твоего братишку лихорадит, но он должен избавиться от ведьминоного дурмана. Этого стоило ожидать.

Илва судорожно вздохнула и, подтянув к груди острые коленки, уткнулась в них носом и тихо расплакалась. Худенькие плечики дрожали, а ее всхлипывания рвали мне душу.

— Илва, не плачь. Все же хорошо. Ты дома, и твой брат жив.

Поднявшись на ноги, я покачнулся, но успел ухватиться за дверной косяк.

— Полотно на табуретке рядом, — я не хотел оборачиваться, показывать, каким слабым стал, но чувствовал, что Илва пристально меня разглядывает. — Я исцелил твои раны, так что...

— Фолки, ты же на ногах не стоишь! — девчонка, всхлипывая и вытирая слезы, подскочила, схватила сухую ткань и поспешно

завернулась в нее, оставив открытыми плечи и нежную шею.

Прошлепав босыми ногами по полу, она остановилась так близко, что я ощутил невыносимо сладкий запах ее кожи. Рот наполнился вязкой слюной, а кончики клыков царапали язык, но я не смел просить о помощи. Девочка слишком слаба, она не может...

— Фолки, — она потянула меня за ладонь, заставила обернуться. Привстав на цыпочки, Илва оплела меня руками, потерлась носом о мою шею и обняла так крепко, что я не мог удержать накативший вал чувств в узде. Облегчение и щемящая нежность сплелись в тугий узел, давили изнутри, собираясь разорвать меня на кусочки.

Милая, светлая душа.

Разве мог я что-то от нее требовать, когда уже получил больше, чем осмеливался мечтать? Я вернул себе целостность, возможно через какое-то время даже смогу перекидываться в ворона и обратно — только бы навыки восстановить.

Прижавшись губами к девичьему плечу, я вдохнул полной грудью, пытаюсь запомнить ее аромат, запереть его в себе, унести этот бесценный дар нежности и понимания, который мне никто до этого не предлагал.

— Даже если будет больно... — бормотала Илва, а ее слезы скатывались по щекам и капали на мое плечо. — Бери.

Прости, что все так сложилось. Это нечестно, я знаю. Ты заслуживаешь ласки, чего-то большего, чем поспешные лихорадочные поцелуи, которые не смогут унять боль от укуса.

И я ненавижу себя за то, что не могу дать тебе больше сейчас.

Илва даже не вскрикнула и не отстранилась, когда клыки сомкнулись у основания ее шеи. Только бормотала что-то неразборчиво и тихо всхлипывала, гладила меня по голове, как ребенка, путалась пальцами в волосах.

— Я тебя... не оставлю... — прошептала она.

Я задрожал, как в лихорадке, и заставил себя разжать челюсти, а когда Илва обмякла в моих руках тряпичной куколкой — завернул ее в ткань и отнес в кровать, где укачивал спящую девчонку на руках до самого рассвета.

Думал. Принимал решения.

И знал, что должен сделать дальше.

Илва

Я очнулась рывком, в своей собственной постели, на втором этаже. В комнате было темно, как в склепе, но именно эта темнота не давила и не вызывала тревоги. Перекатившись на бок, я осторожно села и спустила ноги с кровати. Прошагав к двери на ощупь, толкнула ее и вышла в коридор, а через несколько секунд уже стояла в гостиной и непонимающе осматривалась по сторонам.

У очага спал Альва. Он все еще дрожал и что-то бормотал, но выглядел как человек, страдавший от простуды, а не ведьминого проклятья. Рядом с ним сидела русалка и вытирала брату испарину влажной тряпочкой.

Подойдя ближе, я коснулась ладонью его лба, пропустила сквозь пальцы знакомые мягкие кудри.

Живой. Дома.

Даже не верится.

Наклонившись, я коснулась губами щеки брата, будто хотела удостовериться, что все это не сон.

В груди разлилось невыносимое облегчение, которое невозможно было выразить словами. Мы вернулись домой! Жаль, как же жаль, что отец не дожил до этого момента! Он ушел, так и не узнав, что его любимый Альва жив.

Еще столько всего предстоит сделать.

Вспомнит ли он меня, когда проснется? Будет ли помнить то, что происходило с ним в доме ведьмы? Сможет ли с этим жить?

Не хотелось загадывать, рушить хрупкое счастье. Мы обязательно поставим его на ноги!

Вот только...

— Где Фолки? — спросила я, а русалка посмотрела на меня своими черными глазами и пожала плечами.

В душе шевельнулось какое-то дурное тянущее предчувствие.

В доме не было ни его плаща, ни посоха. Никаких следов присутствия!

Как если бы мага и не существовало вовсе.

— Ушел, — шептала я дрожащими губами. — Ушел, даже записки не оставил. Мрак тебя разорви, скотина! — крикнула я куда-то в потолок.

Взбежав вверх по лестнице, я ворвалась в комнату и бросилась к шкафу. Одевалась поспешно, путаясь в рукавах и пуговицах, чуть не

сломала ноги, попав не в ту штанину.

Выскочила я из дома, даже забыв про плащ, и укусов холода не почувствовала, хотя на улице только разгоралась заря, а крепкий ночной мороз еще не разжал свои острые когти.

Несясь вниз по дороге, я умоляла богинь дать мне возможность хотя бы поговорить с магом.

И желала удавить его на месте за такой трусливый побег!

Я буквально ворвалась в пышущее жаром помещение, тяжело дыша, размазывая слезы по щекам и готовая к самому серьезному в жизни разговору. Хозяин трактира, выслушивая мои путанные объяснения, перемешанные с рыданиями, покрутил пальцем у виска и сказал, что единственный маг, который здесь был, снял утром комнату и с тех пор оттуда не выходил.

— Ворожкой, наверное, занят! — крикнул мужик мне в спину, когда я, перескакивая через две ступеньки, забиралась наверх.

Я успела обдумать сотню вариантов, почему Фолки ушел.

Успела придумать сотню фраз, чтобы начать разговор.

Думала, что увижу его холодным и собранным, уже столько всего себе успела нафантазировать, но стоило мне расшиперить дверь и застыть на пороге, как маг резко обернулся и чуть не сшиб бедром лампу со стола. С его губ сорвался удивленный возглас.

— Илва? — проговорил он, вцепившись пальцами в злополучную лампу и аккуратно поставив ее на положенное место. — Что ты здесь делаешь?

— Что я здесь делаю? — выдохнула я. — А ты?! Ушел. Даже записки не оставил! Я не достойна того, чтобы сказать мне все в лицо?!

Я сама не заметила, как самым позорным образом разревелась. Вот так просто, стоя посреди комнаты и дрожа от унижения и стыда. Какой позор! Где это видано, чтобы врываться к мужчинам в комнаты и устраивать скандалы?

И разве мне не положено радоваться? Фолки своим уходом, вроде как, избавил меня от платы по счетам, но я пришла сама, не в силах справиться с обидой. Совершенно непонятной, обжигающей обидой, стоящей где-то под горлом кислым противным комом.

Я недостаточно хороша, да? Моя кровь больше не нужна?

Я не услышала, как маг подошел ко мне, не почувствовала крепких

пальцев на своих плечах. Ничего не замечала, кроме накрывшего меня разочарования.

— Малышка, ты что себе успела напридумывать?

Подцепив мой подбородок, Фолки потянул вверх, заставив меня запрокинуть голову и посмотреть ему в глаза.

— Ты у-ушел... п-почему...

— Ты сама сказала, что в городе нужен лекарь.

Удивленно моргнув, я застыла, недоверчиво его рассматривая: не могла разобрать, шутит он, врет или говорит серьезно.

— “Л-лекарь”?..

Мужчина улыбнулся, совсем как раньше, и вытер катящиеся по моим щекам слезинки.

— Именно! Откуда же мне было знать, что ты и дня без меня прожить не сможешь?

— Врешь ты все, — буркнула я себе под нос и попыталась отвернуться, но Фолки обхватил мое лицо теплыми ладонями и не позволил отвести взгляд.

— Илва, ты что? Подумала, что я просто смылся?

— Я просыпаюсь — а тебя нет! Что я должна была подумать?

Фолки самодовольно усмехнулся.

— Вообще-то, я собираюсь в ближайшее время просыпаться вместе с тобой. Я не мог уйти и отказать себе в этом удовольствии.

Ну конечно! Дело ведь только в нашей сделке. Возьмет свое и исчезнет! Крови еще напьется, чтобы силы восстановить, а через несколько дней...

И почему я дура такая, на что-то надеюсь? Влюбиться даже успела.

Маг удивленно моргнул, склонил голову к плечу и пристально рассматривал меня своими невозможными золотыми глазами.

Ой! Я совсем забыла про мысли...

— Скажи это вслух.

— Нет! — выпалила я упрямо.

Фолки наклонился, и щеки коснулось его дыхание: обжигающее, как угольки костра. Нос защекотал аромат мяты и яблочной настойки, и не успела я ничего сказать, как он смял мои губы поцелуем, таким жгучим, иступленным и жадным, что коленки подломились от накатившей слабости.

Сильные руки подхватили меня, как пушинку, чуткие пальцы

запутались в моих волосах, не позволяя отстраниться, а я и не собиралась. Одной рукой он перебирал короткие мягкие прядки, а второй сжал ягодицу, вышибая из меня все связные мысли. Я только губы приоткрыла, пропуская в рот жаркий язык, и услышала тихий стон мага, от которого совершенно поехала крыша.

Он и раньше меня целовал, но никогда... так.

И раньше у меня подгибались и дрожали коленки, но было страшно и неловко, а сейчас нестерпимо хотелось большего.

— Как ты сюда дошла в таком виде? — прошептал Фолки, прикусывая мое ухо. — Ты холодная, как ледышка.

Сжав в кулаке ткань рубашки, он потянул вверх, вытаскивая ее из штанов. Задрожав всем телом, я облизнула пересохшие губы, не в силах совладать с рвущимися из груди тяжелыми вздохами.

— Я надеялась, что ты меня согреешь, — выдохнула я и чуть не захлебнулась воздухом, почувствовав его руки под тканью.

Вцепившись ногтями в широкие плечи, мне казалось, что я сейчас разлечусь на мелкие частички, если он продолжит касаться меня так же нежно и жарко.

— Что ты скажешь, если я буду греть тебя всю жизнь?

Всхлипнув, я поймала его взгляд — полный огня и какой-то затаенной благодарности.

— Ты совсем меня не знаешь.

— А ты не знаешь меня, но при этом не боишься, — парировал Фолки. — Весело же узнавать друг друга вместе.

Опустившись на колени, маг методично расстегнул каждую пуговку на моих штанах и потянул их вниз. Отбросив одежду прочь, он прижался губами к низу моего живота, прочертил языком дорожку вверх, обхватил ладонями дрожащие бедра и запрокинул голову, чтобы посмотреть в глаза.

— А теперь боишься?

— Будет больно, да? — спросила я смущенно и пожалела, что из-за коротких волос мне не за чем спрятать пылающее лицо.

— Не больнее моих укусов, — он усмехнулся и прихватил зубами нежную кожу над пупком и тут же облизнул его, отчего я покрылась мурашками.

Резко поднявшись, он подхватил меня на руки, и через мгновение под спиной я почувствовала мягкую шерсть тонкого покрывала.

Фолки сделал два шага назад и стянул свитер. Черные волосы растрепались и частично скрыли от меня горящий взгляд, способный плавить ледяные глыбы.

Следом за свитером пришел черед штанов, но я не смогла отвернуться. Болезненное, горячее любопытство разбирало меня, нашептывало в уши такие непристойности, которые, казалось, и не принадлежали мне вовсе.

Он был совершенен. Весь.

Я не видела много мужчин, да что уж там, никого не видела вот таким, без всего, но его звериная, дикая красота и гибкость притягивали взгляд. Четко очерченные мускулы проступали под смуглой кожей, тут и там отмеченной белыми полосками шрамов. На животе, правом боку и крепком бедре...

Стоило только глянуть на восставшую мужскую плоть, как захотелось отвести взгляд, но я же не трусиха какая-то...

А в голове снова и снова прокручивались чужие мысли. Горячие, сладкие и такие манящие.

— Это твои проделки, да? — прошептала я.

— Что именно? — Фолки хитро улыбнулся.

— Все эти... мысли.

Маг навис надо мной, позволяя любоваться литыми мышцами плеч, гладить мощную грудь дрожащими ладонями. Его кожа на ощупь была как нагретый солнцем бархат, хотелось прижаться к ней щекой, тереться, как кошка, ластиться и требовать ответной ласки.

— Какие “мысли”? — казалось, что ему нравится меня смущать. Вытягивать ответы, от которых мои щеки краснели еще больше.

В золотых глазах плясали лукавые огоньки, а когда сильные пальцы уверенно коснулись кромки белья, я задержала дыхание, не в силах справиться с накатившими чувствами.

— Ты так вкусно пахнешь, что я с ума схожу, — прошептал он, нежно поглаживая меня прямо через ткань. — И дело не в крови, Илва, слышишь? Совсем не в ней. В тебе. Ты — удивительная. Неземная. Я будто бы не осознавал этого совсем, но ворон мне хорошо мозги прочистил. И рассказал, как ты его спасла. Освободила из плена, хотя могла бросить там.

— Не могла, — я подавилась словами, когда пальцы мужчины проникли под ткань и коснулись кожи, высекая из меня самые

настоящие искры и хриплые стоны, растирая пряную влагу.

Какая-то крохотная часть меня стыдилась накатившего безумной волной возбуждения — такого острого, что об него можно было порезаться; Фолки же улыбался понимающе, ловил губами вздохи и стоны и говорил-говорил-говорил, нашептывал, какая я горячая и что уже очень скоро он заполнит меня всю.

Поглотит меня. Сделает своей.

Навсегда. И даже немного дольше...

Толчок. Пальцы скользнули внутрь, поглаживая меня, подготавливая к близости, растягивая. Доставляя непривычное удовольствие.

Совсем не больно...

Фолки осыпал поцелуями мою шею и плечи, опустился ниже, обхватил губами твердую вершинку соска. Тихо рыкнул и прикусил нежную кожу зубами, заставив меня выгнуться дугой и вцепиться в его волосы.

Оперевшись на колени, он потянул мои бедра к себе, прижался так плотно и жарко, что волосы на руках встали дыбом, а тело натянулось струной.

Замерло в предвкушении.

— Ничего не бойся, — шептал маг. От возбуждения его голос ломался, превращаясь в низкое рычание. — Ты же такая храбрая девочка.

— Я и не бою... Х-ах! — с губ сорвался крик, когда я почувствовала, как что-то входит в меня, и оно было куда больше его пальцев. Намного больше! Вцепившись в Фолки ногтями, я оставила на смуглой коже глубокие царапины, а мужчина в ответ выругался и зашипел, как самый настоящий дикий кот. Толкнулся в меня, неистово и глубоко, отчего показалось, что из глаз брызнули искры. Его губы накрыли мои, сцеловывали болезненные стоны, собирали слезы, пока я не поняла, что он весь во мне. Пульсирующий и каменно-твердый. — Ай, подожди! Не двигайся!

Фолки замер, позволяя мне привыкнуть. Широкие ладони оглаживали мой живот и грудь, стискивали ягодицы до легкой боли, и я знала, что там останутся синяки. Маг прикрыл глаза и дышал тяжело и рвано, ему было сложно сдерживаться. Настолько сложно, что кончик острого клыка прокусил нижнюю губу, и в уголке идеального рта

набухла крохотная капелька крови.

— Ты такая... такая... — выдохнул он, а я невольно сжалась, стискивая его плоть в себе. — Проклятье! Илва, я не смогу... слишком хорошо...

Горячая рука скользнула... туда, к месту соединения наших тел и коснулась какой-то точки, о существовании которой я и не подозревала! Тело будто прошла молния, и в крови одновременно лопнули тысячи пузырьков невыносимого жара, отчего хотелось кричать в потолок и рвать простыни в лохмотья.

Я подалась вперед. Неумело и слишком резко, отчего внизу живота распустился раскаленный болезненный цветок.

Фолки подхватил мои движения безупречно, а его руки ни на миг не замирали, оставляя на моей коже огненные росчерки и метки. Золотые колдовские глаза прожигали меня насквозь, следили за мной, за каждым резким вздохом, выражением лица.

Толчки становились все глубже и резче, дыхание мага срывалось, а с губ слетали нежности вперемешку с рычанием и стонами.

Обхватив его за шею, я зажмурилась, не в силах справиться с головокружением, вцепилась зубами в крепкое плечо и на последнем мощном толчке забила в кольцо сильных рук, давясь собственным криком.

Острые клыки вошли в мою плоть, по телу разбежались невыносимо сладкие судороги, а внизу все задрожало и сжалось, сталкивая Фолки в пропасть оглушительно оргазма.

Он дрожал и зализывал ранку на моей шее, все еще оставаясь внутри, наполняя меня теплом собственного освобождения.

— Моя. Моя сладкая девочка, — бормотал он, осыпая поцелуями мой подбородок, прикусывая приоткрытые губы.

— Это всегда так? — прижавшись лбом к его плечу, я обхватила мага руками и ногами, не желая расставаться.

Никогда-никогда.

— Дай мне несколько минут — и я покажу, насколько хорошо может быть.

Вспыхнув до самых корней волос, я смущенно засопела.

— И сколько раз ты будешь... “показывать”?

Мужчина заставил меня поднять взгляд, и от его шальной, дерзкой улыбки я покраснела еще сильнее.

— Боюсь, мне придется использовать целительный дар, если ты хочешь проверить мою выносливость.

Опустившись рядом на постель, он сгреб меня в охапку и прижал к себе.

— Надеюсь, ты хоть дверь в дом заперла, когда возмущенно бежала бить мне лицо.

— Там русалка, — я пожала плечами, совершенно бессовестно разомлев от его мягких поглаживаний. — Она лучше всякого замка.

Маг тихо засмеялся.

— Она теперь от твоего брата не отойдет. Запах-то один.

— Может, она даже научится жить среди людей. И говорить.

Фолки приподнялся на локте и совершенно бессовестно меня рассматривал.

— Она умеет говорить, но по-своему. Русалки вообще очень обучаемы. Если хочешь, то я могу научить ее всеобщему.

Я чуть повернула голову.

— Было бы прекрасно. Нам придется поставить Альву на ноги. Он что-нибудь будет помнить?

Мужчина нахмурился.

— Все.

В груди кольнуло холодом, но маг не дал мне сильно задуматься. Крепко обнял и зарылся носом в волосы.

— Все наладится, вот посмотришь.

— А если русалка в него...влюбится?

Не знаю, почему у меня вдруг возник этот вопрос, но Фолки замер на мгновение, а потом рассмеялся.

— Ну, опыт секса с нечистью у него уже есть.

— Фолки! — я возмущенно хлопнула его по плечу, но маг только язык мне в ответ показал.

— Что? Правда же.

Перевернувшись лицом к магу, я обняла его за шею и прижалась теснее.

— Спасибо тебе.

Он улыбнулся и скользнул рукой вниз, возрождая утихшее пламя.

— Пока не за что, малышка.

Когда я открыла глаза, за окном была глубокая ночь.

Каждый мускул в теле приятно ныл, а на душе было абсолютно спокойно. Завтра Фолки должен был перебраться в мой дом.

Наш дом.

Правда я чувствовала, что однажды дорога позовет его за собой. Да и что ему было делать здесь, на краю мироздания, среди снегов и холода? Фолки ненавидел холод.

Однажды он решит пойти дальше, а я...

Пойду с ним. Вот так просто. Это решение родилось само собой, оно казалось мне верным, настоящим и правильным. Мы уже все обсудили, в перерывах когда маг все-таки меня отпускал.

Я не хотела загадывать, как долго продлится это “навсегда”, которое Фолки не уставал повторять снова и снова, между поцелуями и в те моменты, когда его тепло переполняло мое тело и душу.

Я верила и искренне надеялась, что эта странная сказка не развеется, не потеряет блеск и не сотрется из памяти, как происходит с сотнями других сказок.

Глядя на его умиротворенное лицо, я не могла налюбоваться, не могла заставить себя отойти слишком далеко и чувствовала, как от души к душе тянется тонкая невидимая нитка, сплетая нас, связывая прочнее любой магии.

Суженый.

Слово мелькнуло в голове и растворилось в ворохе мыслей. Принадлежало ли оно мне или это была мысль самого Фолки — я не знала. Мы так тесно переплелись, что я не могла сказать, где кончается он и начинаюсь я.

Может, он предназначен мне судьбой? Ведь предначертанные люди всегда врываются в нашу жизнь неожиданно.

Или, по крайней мере, так говорят.

Проклятье одного очень наглого мага может вернуть ему частичку души, чего не смогли сделать даже чары.

Разве это не чудо?

И не судьба ли это?

Только время покажет наверняка.